

Министерство образования и науки Российской Федерации
Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

**Аксиологические проблемы философии.
Философия любви**

ХРЕСТОМАТИЯ

В двух частях

Под редакцией В.А. Жилиной

Часть 2

Магнитогорск
2012

Рецензенты:

Заведующий кафедрой философских, социально-экономических
и гуманитарных дисциплин МаГК им. М.И. Глинки,
кандидат философских наук, профессор
Г.Е. Гун

Заведующий кафедрой философии
Челябинского государственного университета,
доктор философских наук, профессор
А.Б. Невелев

Составители: И.С. Акулова, М.П. Ахметзянова,
Н.С. Миннигулова, Д.Г. Китаев, Г.В. Субач

Аксиологические проблемы философии. Философия любви:
хрестоматия. В 2 ч. Ч. 2 / сост. И.С. Акулова, М.П. Ахметзянова, Н.С. Миннигулова и др.; под ред. В.А. Жилиной. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2012. – 82 с.

Хрестоматия состоит из тематических текстов философов – фрагментов из трудов мыслителей разных исторических эпох, раскрывающих специфику, сущность и ценность такого неоднозначного феномена, как любовь.

Хрестоматия предназначена для студентов, аспирантов, а также всех читателей, интересующихся философской проблематикой.

УДК 128

© Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2012

© Акулова И.С., Ахметзянова М.П., Миннигулова Н.С., Китаев Д.Г., Субач Г.В., 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ЛЬЮИС КЛАЙВ СТЕЙПЛЗ	4
ФРОММ ЭРИХ	13
ОРТЕГА-И-ГАССЕТ ХОСЕ	34
БЕРДЯЕВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ	50
ПАСКАЛЬ БЛЕЗ	58
ВЫШЕСЛАВЦЕВ БОРИС ПЕТРОВИЧ	67

ВВЕДЕНИЕ

Хрестоматия предназначена для студентов дневной и заочной форм обучения, аспирантов, а также всех читателей, интересующихся философской проблематикой.

Хрестоматия посвящена анализу любви – сложной, многоаспектной проблеме, пограничной между искусством, философией и психологией. В хрестоматии рассматриваются различные подходы к пониманию сущности, смысла, ценности такого неоднозначного феномена.

Тема любви всегда интересовала философию, начиная с античности и до наших дней. Из огромного, в сущности, необозримого круга работ, связанных с этой темой, в хрестоматию включены отрывки, призванные познакомить читателя с характерными формами осмысления любви в истории философии и культуры.

Хрестоматия является продолжением таких учебных материалов, как «Основные функции философии», «Аксиологическая функция философии», подготовленных коллективом авторов.

Тематическая подборка материалов соответствует разделам программы самостоятельной работы студентов, разработанной преподавателями кафедры.

Материалы могут быть использованы для организации самостоятельной работы студентов на семинарских занятиях, для подготовки устных докладов и написания контрольных работ студентами заочного факультета. Перед оригинальными авторскими текстами дается небольшая вступительная часть, в которой рассказывается об авторе, определяются его основные идеи и достижения в рамках своего направления. Самостоятельно изучив отрывок, студент должен ответить на вопросы к тексту, выразить свое отношение к прочитанному, раскрыть собственное понимание темы.

ЛЬЮИС КЛАЙВ СТЕЙПЛЗ

Клайв Стейплз Льюис (1898–1963) – английский писатель, поэт и философ. Льюис известен своими работами по средневековой литературе и христианской апологетике, а также художественными произведениями в жанре фантастики. Едва успев поступить в Оксфорд, Льюис отправляется на Первую мировую войну. Вернувшись с войны, в Оксфорде Льюис находит друга – им становится широко ныне известный Д. Толкин. Они, вместе с еще несколькими поклонниками старинных сказаний и литературы, организуют своеобразный клуб по интересам. Последствия дружбы Льюиса и Толкина оказались чрезвычайно важными для них обоих. Не будь горячей поддержки Льюиса, возможно, мир так и не увидел бы знаменитой трилогии Толкина «Властелин колец». Толкин же в свою очередь оказал сильнейшее влияние не только на будущие художественные произведения Льюиса, но и на его обращение в христианскую веру. Са-

мые известные работы К.С. Льюиса: «Аллегория любви», «Введение к Мильтону», «Английская литература шестнадцатого столетия», «Хроники Нарнии».

В предложенной ниже статье автор рассматривает такой вид любви, как привязанность. По мнению Льюиса, привязанностью часто считают любовь детей к родителям и родителей к детям. Но на самом деле привязанность – это вид любви очень широкий. Мало того, любовь-привязанность даже выходит из границ биологического вида, когда одинокие люди испытывают привязанность к животным или «дружат» животные разных генетических родов. И если восторженная влюбленность приукрашивает объект своей любви, то привязанность, наоборот, позволяет нам познать человека глубоко и многогранно, во всей полноте его личности.

Текст из работы Льюис К.С. «Любовь. Привязанность»

***

Я начну с самой смиренной и самой распространенной любви, меньше всего отличающей нас от животных. Предупреждаю сразу, что это не упрек. Наши человеческие черты не лучше и не хуже того, что мы разделяем их с животными. Когда мы обзываем человека животным, мы не хотим сказать, что у него много таких черт – у всех их много; речь идет о том, что он проявил только эти свойства там, где нужны были чисто человеческие. Словом же «зверский» мы называем поступки, до которых никакому зверю не додуматься.

Итак, я буду говорить о самой простой любви. Греки называли ее «строге», я назову привязанностью. В моем греческом словаре «строге» определяется как «привязанность, главным образом родителей к детям», но слово это означает и привязанность детей к родителям. Любовь между детьми и родителями – первоначальная, основная форма этой любви. Чтобы представить ее себе, вообразите мать с младенцем, кошку в полной котят корзине, писк, лепетание, тесноту, теплый запах молока.

Образ этот хорош тем, что сразу вводит нас в центр парадокса. Дети любят мать любовью-нуждой, но и материнская любовь – нужда, мать в ней нуждается. Если она не родит, она умрет. Если не покормит – заболит. Ее любовь – нужда, но нуждается она в том, чтобы в ней нуждались. К этому мы еще вернемся.

И у животных, и у нас привязанность выходит далеко за пределы семьи. Тепло и уютно бывает не только с детьми, не только с родителями. Такая любовь – самая неприхотливая. Есть женщины, у которых и быть не может поклонников; есть мужчины, у которых и быть не может друзей. Но мало на свете людей, к которым никто не привязан. Привязанность не требует сходства. Я видел, как не только мать, но и братья любили полного идиота. Привязанность не знает различий пола, возраста, класса. Она связывает молодого ученого и старую няню, живущих в со-

вершенно разных мирах. Более того – привязанность не признает границ биологического вида. Она связывает человека и животное, и двух разных животных, скажем, кошку и собаку, даже (это видел Гилберт Уайт) курицу и лошадь...

У привязанности тоже есть условие: предмет ее должен быть «своим», хорошо или давно знакомым. Мы часто знаем, когда именно, какого числа влюбились или обрели друг друга. Вряд ли можно установить, когда мы привязались к кому-нибудь. Не случайно мы употребляем ласкательно слово «старый». Собака лает на незнакомца, не причинившего ей вреда, и радуется знакомому, который ни разу ее не приласкал. Ребенок любит угрюмого садовника и дичится ласковой гостьи. Но садовник непременно должен быть «старый» – ребенок и не вспомнит времен, когда его еще не было.

Я уже говорил, что привязанность смиренна. Она не превозносится. Мы гордимся влюбленностью или дружбой. Привязанности мы нередко стыдимся. Как-то я рассказывал о том, как любят друг друга собака и кошка, а собеседник мой заметил: «Вряд ли собака признается в этом другим псам». У привязанности – простое, неприметное лицо; и те, кто ее вызывают, часто просты и неприметны. Наша любовь к ним не свидетельствует о нашем вкусе или уме. То, что я назвал любовью-оценкой, в привязанность не входит. Чаще всего мы начинаем различать достоинства в милых нам людях, когда их с нами нет. Пока они с нами, мы принимаем их как должное. Для влюбленности – это провал, а здесь ничему не мешает. Привязанность тиха, о ней и говорить неудобно. На своем месте она хороша, вытащить ее на свет опасно. Она облекает, пропитывает нашу жизнь. Она там, где шлепанцы, халат, привычные штуки, сонный кот, жужжание швейной машины, кукла на полу.

Внесу поправку. Все это так, если привязанность одна, если она ни с чем не смешана. Она и сама – любовь, но часто она входит в другой вид любви, пропитывает его, окрашивает, создает для него среду. Быть может, без нее та любовь и усохла бы. Когда друг становится «старым другом», все, что не имело к дружбе никакого отношения, обретает особую прелесть. Что же до влюбленности, она может просуществовать без привязанности очень недолго; если же протянет подольше – становится поистине мерзкой, слишком ангельской, или слишком животной, или тем и другим по очереди. Такая влюбленность не по мерке человеку, она и мала ему, и велика. Зато как хороши и дружба, и влюбленность, когда сами они затухают, и привязанность дает нам свободу, известную лишь ей да одиночеству. Не надо беседовать, не надо целоваться, ничего не надо, разве что чай поставить.

Мы уже знаем, что оценка не играет в привязанности большой роли. Но очень часто благодаря привязанности оценка появляется там, где ей бы без этого вовек не появиться. Друзей и возлюбленных мы выбираем за

что-то – за красоту, за доброту, за ум, за честность. Но красота должна быть особая, «наша», и ум особый, в нашем вкусе. Потому друзья и влюбленные чувствуют, что созданы друг для друга. Привязанность соединяет не созданных друг для друга. До умиления, до смеха непохожих людей. Сперва мы привязываемся к человеку просто потому, что он рядом; потом мы замечаем: «а в нем что-то есть!..» Значит это, что он нам нравится, хотя и не создан по нашему вкусу, а знаменует великое освобождение. Пускай нам кажется, что мы снизошли к нему, на самом деле мы перешли границу. Мы вышли за пределы своих мерил, начали ценить добро как таковое, а не только нашу излюбленную его разновидность.

Кто-то сказал: «Кошек и собак надо воспитывать вместе, чтобы расширить их кругозор». Это и делает привязанность. Она самая широкая, самая демократическая любовь. Если у меня много друзей, это не значит, что я терпим и добр; я их выбрал, как выбрал книги своей библиотеки. Поистине любит чтение тот, кто порадуется грошовому выпуску на книжном развале. Поистине любит людей тот, кто привяжется к каждодневным спутникам. Я знаю по опыту, как привязанность учит нас сперва замечать, потом – терпеть, потом – привечать и, наконец, ценить тех, кто оказался рядом. Созданы они для нас? Слава богу, нет! Они это они и есть, чудовищные, нелепые, куда более ценные, чем казалось нам поначалу.

И тут мы подходим к опасной черте. Привязанность не превозносится, как и милосердие. Привязанность обращает наш взор к неприметным; Бог и Его святые любят тех, кто не может вызвать любви. Привязанность непритязательна, привязанность отходчива, она долго терпит, милосердствует, никогда не перестает. Она открывает нам в других образ Божий, как открывает его смиренная святость. Значит, это и есть сама Любовь?... Значит, другой любви и не нужно? Значит, домашнее тепло и есть христианская жизнь? Ответ несложен: «Нет».

Сколько на свете счастливых семейств? Потому ли их мало, что родные не любят друг друга? Нет, не потому; семья бывает несчастлива при очень сильной любви, хуже того – из-за сильной любви. Почти все свойства привязанности – о двух концах. Они могут порождать и добро, и зло. Если дать им волю, ничего с ними не делать, они вконец разрушат нам жизнь. Мятежные противники семейных радостей сказали о них не все; но все, что они сказали, – правда.

Заметьте, как противны песни и стихи о семейных чувствах. Противны они тем, что фальшивы, а фальшивы потому, что выдают за гарантию счастья и даже добра то, что только при должном усердии может к ним привести. Если верить песням и стихам, делать ничего не надо. Пустите привязанность, как теплый душ, и больше вам думать не о чем. Как мы видели, в привязанность входят и любовь-нужда и любовь-дар. Начнем с нужды – с того, что мы нуждаемся в любви к нам.

Привязанность – самый неразумный вид любви. Привязаться можно к каждому. Поэтому каждый и ждет, что к нему привяжутся. Отец неред-

ко ужасается, что сын не любит его, и считает это противоестественным. Однако он и не спросит себя. Сделал ли он хоть что-нибудь заслуживающее сыновьей любви. «Король Лир» начинается с того, что очень неприятный старик жить не может без привязанности своих дочерей. Я привожу пример из книги, потому что мы с вами живем в разных местах. Живи мы близко, я бы показал вам сколько угодно примеров. Причина ясна: мы знаем, что дружбу и влюбленность надо чем-то вызвать, как бы заслужить. Привязанность дается бесплатно, она «сама собой разумеется». Мы вправе ждать ее. А если не дождемся, решим, что наши близкие ведут себя противоестественно.

Конечно, это неправда. Мы млекопитающие, и потому инстинкт вкладывает в наших матерей какую-то к нам любовь. Мы создания общественные и потому живем в определенной среде, где при нормальном ходе вещей возникают привязанности. Если кто-то привязан к нам, это не значит, что мы достойны любви. Отсюда делают вывод: «Если мы и не достойны любви, к нам должен быть кто-нибудь привязан». Точно так же можно сказать: «Никто не заслужил благодати Божьей. Я ее не заслужил. Следовательно – Бог должен мне ее даровать». Ни там, ни здесь и речи не может быть о правах. Никаких прав у нас нет, мы просто смеем надеяться на привязанность, если мы обычные люди. А если нет? Если нас невозможно вынести? Тогда «природа» станет работать против нас. При близком общении легко возникает и ненависть. Все будет похоже, и все наоборот. Тоже кажется, что мы всегда терпеть человека не могли. Тоже возникает слово «старый» – «его старые шутки!» – и даже «вечный» – «а, вечно он!..»

Нельзя сказать, что Лир не знает привязанности. На любви-нужде он просто помешался. Если бы он по-своему не любил дочек, он бы не требовал от них любви. Самый невыносимый родитель (или ребенок) может испытывать эту хищную любовь. Добра она не приносит ни ему, ни другим. В такой семье просто жизни нет. Когда неприятный человек непрерывно требует любви, обижается, корит, кричит или тихо точит близких, они чувствуют себя виновными (чего он и хотел), а на самом деле ничего исправить не могут. Требующий любви рубит сук, на который и сесть не успел. Если в нас вдруг затеплится какая-нибудь нежность к нему, он тут же прильнет ее жадностью и жалобами. А доказывать свою любовь мы должны обычно, ругая его врагов. «Любил бы ты меня, ты бы понял, какой эгоист твой отец...», «...помог бы мне справиться с сестрой», «...не дал бы так со мной обращаться...»

И хоть ты их убей, они не видят простого и прямого пути. Овидий считал, что любви не дождешься, если ты «не достойный любви». Веселый старик хотел сказать, что женщину не обольстишь, если ты не обольстителен. Но слова его можно прочитать иначе. Он умнее в своем роде, чем король Лир. Удивительно не то, что не достойные никакой любви

тщетно ее требуют, а то, что ее требуют так часто. Кто не видел, как женщина тратит юность, зрелость и даже старость на ненасытную мать, слушается ее, угрожает ей, а та, как истинный вампир, считает ее и не-ласковой, и строптивой. Быть может ее жертва и прекрасна (хотя я в этом не уверен), но в матери, как не ищи, прекрасного не отыщешь. Вот такие плоды может приносить то, что привязанность дает даром. Не лучше обстоит дело и с непринужденностью, которую она порождает.

Мы постоянно слышим о грубости нынешней молодежи. Я старый человек и должен бы встать на сторону старших, но меня куда чаще поражает грубость родителей. Кто из нас не мучился в гостях, когда мать или отец так обращались со взрослыми детьми, что человек чужой просто ушел бы и хлопнул дверью? Они категорически говорят о вещах, которые дети знают, а они – нет; они прерывают детей, когда им вздумается; высмеивают то, что детям дорого; пренебрежительно (если не злобно) отзываются об их друзьях. А потом удивляются: «И где их носит? Всюду им хорошо, лишь бы не дома!» Если вы спросите, почему родители так ведут себя, они ответят: «Где же побыть собой, как не дома? Не в гостях же мы! Все тут люди свои, какие могут быть обиды!»

И снова это очень близко к правде и ничуть не верно. Привязанность, как старый домашний халат, который мы не наденем при чужих. Но одно дело – халат, другое – грязная до вони рубаха. Есть выходное платье, есть домашнее. Есть светская учтивость, есть и домашняя. Принцип у них один: «не предпочитай себя». Чем официальной среда, тем больше в нем закона, меньше благодати. Привязанность не отменяет вежливости, она порождает вежливость истинную, тонкую, глубокую. «На людях» мы обойдемся ритуалом. Дома нужна реальность, символически в нем воплощенная. Если ее нет, всех подомнет под себя самый эгоистичный член семьи.

Вы должны действительно не предпочитать себя; в гостях вы можете притворяться, что не предпочитаете. Отсюда и поговорка: «Поживем вместе – узнаем друг друга». То, как человек ведет себя дома, показывает истинную цену его светских манер. Когда, придя из гостей, манеры оставляют в передней, это значит, что их и не было, им просто подражали.

«Мы можем сказать друг другу что угодно». Истина, стоящая за этими словами, означает вот что: привязанность в лучшем своем виде может не считаться со светскими условностями, потому что она и не захочет ранить, унижить или подчинить. Вы скажите любимой жене: «Ну ты и свинья!» Вы скажите: «Помолчи, я читать хочу». Вы можете поддразнивать, подшучивать, разыгрывать. Вы все можете, если тон и время верны. Чем лучше и чище привязанность, тем точнее она чувствует, когда ее слова не обидят. Но домашний хам имеет в виду совсем другое. Его привязанность – очень низкого пошиба, или ее вообще нет, а свободу он себе дает такую, на которую смеет претендовать и которой умеет

пользоваться только самая высокая, самая лучшая привязанность. Он тешит свою злобу, себялюбие или просто глупость. А совесть его чиста: привязанность имеет право на свободу, он ведет себя, как хочет, – значит, он выражает привязанность. Если вы хоть немного обидитесь, он будет оскорблен в лучших чувствах. Дело ясное: вы его не любите, вы его обидели, не поняли.

«А, вот что! – скажет он. – Так, так... Вежливость понадобилась... Я-то думал, мы люди свои..., да что там, ладно!.. Будь по-твоему». И станет вести себя с обидной, подчеркнутой вежливостью. Вот разница между домом и «светом»: дома светские манеры свидетельствуют как раз о невежливости. Домашняя учтивость совсем иная...

Мы еще не говорили о ревности. Надеюсь, вы не думаете, что ею страдают только влюбленные; а если думаете – посмотрите на детей, на слуг и на животных. В привязанности она очень сильна и вызвана тем, что этот вид любви не терпит перемены. Скажем, брат и сестра или два брата растут вместе. Они читают одни и те же книжки, карабкаются на одно и то же дерево, вместе играют, вместе начинают и бросают собирать марки. И вдруг у одного из них появляется новая жизнь. Другой не входит в нее, он выброшен, отброшен. Ревность тут рождается такая, что и в драме подобной не найдешь. Это еще не ревность к друзьям, это ревность к самому предмету увлечения – к музыке, к науке, к Богу. Она доходит до смешного. Обиженный называет «все это» глупостями, не верит обидчику, обвиняет его в позерстве, прячет книги, выключает радио, выбрасывает бабочек. Привязанность – самый инстинктивный, самый животный вид любви, и ревность ее – самая дикая.

Не только дети страдают этой ревностью. Посмотрите на неверующую семью, где кто-нибудь обратился, или на мещанскую семью, где кто-нибудь «пошел в образованные». Я думал, что это ненависть тьмы к свету, но ошибался. Верующая семья, где кто-то стал атеистом, ничуть не лучше. Это просто реакция на измену, даже вроде бы на кражу. Кто-то (или что-то) крадет у нас нашего мальчика (или девочку). Он был один из нас, стал одним из них. Да по какому праву?! Так хорошо жили, никому не мешали, а нас обидели...

Иногда такая ревность усложняется, удваивается. С одной стороны, конечно, «все это» – глупости. С другой – а вдруг в этом что-то есть? Вдруг и правда чем-то хороши книги, музыка, христианство? Почему же мы этого не видели, а он увидел? Что он, лучше нас? Да он соплик, мы же старше... И ревность возвращается на круги своя: умнее «нас» он быть не может, значит, все это глупости.

Родителям в таких случаях лучше, чем братьям или сестрам. Дети их прошлого не знают, и они всегда могут сказать: «У кого не было! Ничего, пройдет...» Возразить на это невозможно – речь идет о будущем, обидеться нельзя – тон очень мягкий, а слушать обидно. Иногда родители и впрямь

верят себе. Более того, иногда так и выходит. «Ты разобьешь сердце матери!» Это викторианское восклицание нередко оказывалось верным. Близким очень тяжело, когда кто-нибудь из семьи спустился ниже нравственной ее системы... К несчастью, так же тяжело, если он поднялся выше. Охранительное упорство привязанности – о двух концах. Здесь, на домашнем уровне, повторяется самоубийственная воспитательная система, которая не терпит мало-мальски самостоятельных и живых детей.

До сих пор мы говорили об отходах привязанности-нужды. У привязанности-дара – свои искажения... Материнская любовь, прежде всего, – дар. Но дарует она, чтобы довести ребенка до той черты, после которой он в этом даре нуждаться не будет. Мы кормим детей, чтобы они со временем сами научились есть; мы учим их, чтобы они выучились, чему нужно. Эта любовь работает против себя самой. Цель наша – стать ненужными. «Я больше им не нужна» – награда для матери, признание хорошо выполненного дела. Но инстинкт по природе своей этому противится. Он тоже хочет ребенку добра, только – своего, от матери исходящего. Если не включится более высокая любовь, которая хочет любимому добра, откуда бы оно ни исходило, мать не сдастся. Чаще всего так и бывает. Чтобы в ней нуждались, мать выдумывает несуществующие нужды или отучает ребенка от самостоятельности. Совесть ее при этом чиста; она не без оснований думает, что любовь ее – дар, и выводит из этого, что эгоизма в ней нет.

Касается это, конечно не только матерей. Любая привязанность-дар может к этому привести, например любовь опекуна к опекаемому. Опасность эта очень сильна в моей профессии. Университетский преподаватель должен дать ученику столько, чтобы тот не нуждался в нем, более того – чтобы тот мог стать его соперником и критиком. Мы должны радоваться, когда это случится, как радуется учитель фехтования, когда ученик выбьет у него шпагу. Многие из нас и радуются, но не все.

Страшная нужда в том, чтобы в нас нуждались, находит выход в любви к животным. Фраза «Он (она) любит животных» не значит ничего. Любить животных можно по-разному. С одной стороны, домашнее животное – мост между нами и природой. Ведь нам бывает грустно от того, что мы, люди, одиноки в мире живого – почти утратили чутье, видим себя со стороны, вникаем в бесчисленные сложности, не умеем жить в настоящем. Мы не можем и не должны уподобляться животным. Но мы можем быть с ними. Животное достаточно личностно, чтобы предлог «с» выступил во всей своей силе; и все же оно – небольшой комок биологических импульсов. Собака или кошка тремя лапами стоит в природе, одной – там, где мы... Человек с собакой или котом затыкает дыру в мироздании. Но, с другой стороны, животное можно воспринять неправильно. Если вы хотите быть нужным, а семье удалось от вас вернуться, животное может заменить ее. Несчастное создание принесет вашим родным

большую пользу, вроде громоотвода; вы будете так заняты тем, чтобы портить ему жизнь, что у вас не хватит времени портить жизнь им. Собака подойдет тут больше кошки. Говорят, лучше всего – обезьяны. Животному вашему, конечно, не посчастливилось. Но, может быть оно не сумеет понять, как вы ему навредили; а если и сумеет, вы о том не узнаете. Самый забитый человек нет-нет да и взорвется и выскажет все, как есть. На ваше счастье, животное лишено дара речи.

Те, кто говорит: «Чем больше я вижу людей, тем больше люблю животных», те, для кого животное отдых от человеческого общества, должны подумать всерьез об истинных причинах своей мизантропии. Мне скажут: «Ну конечно, все это бывает. Эгоисты и невротики исказят что угодно, даже любовь. Но зачем так много рассуждать о патологических случаях? В конце концов людям приличным легко избежать таких ошибок». Мне кажется, это замечание нуждается в комментариях.

Во-первых, невротик. Не думаю, что описанные мною случаи относятся к патологии. Конечно, бывают и особенно болезненные их формы, которые просто невозможно вынести. Таких людей непременно надо лечить. Но все мы, честно взглянув на себя, признаемся, что не избежали подобных искушений. Это не болезнь; а если болезнь, имя ей – первородный грех. Обычные люди, делая все это, не болеют, а грешат. Им нужен не врач, а духовник. Медицина старается вернуть нас в «нормальное» состояние. Себялюбие, властность, жалость к себе, неумение себя увидеть нельзя назвать ненормальными в том смысле, в каком мы называем астигматизм или блуждающую почку. Разве нормален, разве обычен тот, у кого начисто нет этих черт? Он нормален, конечно, но в другом значении слова: преображен, равен Божьему замыслу... Привязанность дарует радость тогда, когда ее испытывают «приличные люди». Другими словами, одной привязанности мало. Нужен ум; нужна справедливость; нужна милость. Словом, нужно быть хорошим – терпеливым, смиренным, кротким. В игру должна вступать любовь, которая выше привязанности. В том-то и дело. Если мы станем жить одной привязанностью, она принесет нам много зла.

(Клайв Стейплз Льюис // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 116–123).

Вопросы к тексту

1. Почему, привязанность Льюис называет самым простым видом любви?
2. Почему автор считает, что привязанность – это любовь самая непритворливая и она не признает границ биологического вида?
3. Какое необходимое условие есть у любви-привязанности?
4. Почему в любовь-привязанность входят и любовь-нужда и любовь-дар?
5. Что имеет ввиду автор указывая, что «привязанность имеет право на свободу»?
6. В чем истоки неадекватно большой любви некоторых людей к животным?

ФРОММ ЭРИХ

Эрих Фромм (1900–1980) – немецко-американский психоаналитик и философ. Родился 23 марта 1900 г. в городе Франкфурт-на-Майне. В 22-летнем возрасте закончил Гейдельбергский университет, получив степень доктора философии. Продолжает свое образование в Берлинском психологическом институте, где и осваивает психоанализ (1923–1924). С 1925 г. Э. Фромм открыл собственную частную практику. Строго придерживаясь позиций ортодоксального фрейдизма в самом начале работы, постепенно начинает сомневаться в его абсолютности, подвергает многие положения ревизии и впоследствии создает свою концепцию. После прихода к власти нацистов в 1933 г. он перебирается в США, где продолжает преподавательскую и научную деятельность. К началу 40-х гг. оформляется новое научное направление – неофрейдизм, во главе которого стоит Э. Фромм. Свою концепцию сам автор называет «радикальным гуманизмом». С 1949 по 1969 гг. Фромм живет в Мексике, а с 1969 г. до своего ухода из жизни в 1980 г. – в Швейцарии. В этот период он выступает с лекциями, участвует в общественной жизни, пишет книги, а в 1962 г. посещает Москву.

Наиболее известные работы Э. Фромма: «Бегство от свободы» (1941), «Психоанализ и религия» (1951), «Сказки, мифы, сновидения» (1951), «Здоровое общество» (1955), «Искусство любить» (1956), «Психоанализ и религия» (1958), «Дзен-буддизм и психоанализ» (1960), «Революция надежды» (1968), «Анатомия человеческой деструктивности» (1973), «Иметь или быть» (1976).

В книге «Искусство любить» Э. Фромм раскрывает важность любви в жизни людей и условия ее реализации. Коренной вопрос, который необходимо затронуть перед тем как решать проблему любви – проблема существования самого человека. Трагичность его существования в осознании своей отчужденности от природы и от остальных людей. Отсюда и глубокая потребность человека в преодолении одиночества и обретении единства с другими людьми.

Э. Фромм выделяет противоположные формы любви: любовь по принципу бытия или плодотворную любовь, и любовь по принципу обладания или неплодотворную любовь. Если первая скорее мыслится как форма деятельности: интерес, забота, проявление чувств, удовольствие, направленное на кого-то, на что-то, процесс, некое действие. Она тесно связана с ощущением полноты жизни. Вторая означает лишение объекта своей «любви» свободы, ее постоянный контроль. Такое чувство подавляет жизнь. Плодотворная любовь – это решение проблемы человеческого существования – потребности в преодолении отделенности, одиночества. Смысл любви – в желании межличностного слияния – самом мощном у человека. Это сила, объединяющая членов человеческого рода, клана, семьи, общества.

Зрелая любовь позволяет сохранять в таком единстве свою индивидуальность. Она, при этом, заинтересована в развитии человека, которого мы любим – тут проявляется уже ответственность. Ей, в свою очередь, не позволяет перерасти в господство чувство уважения к его уникальности и предоставление ей свободы.

По мнению Фромма, в современном западном обществе любовь «разлагается» на две формы: любовь как взаимное сексуальное удовлетворение и как «слаженная работа» и убежище от одиночества. Действительная любовь же возможна, только если два человека связаны друг с другом центрами существования, а значит, каждый из них воспринимает себя из глубины своего существования. Такая любовь, так это риск, состояние движения, роста, работы сообща; наличие гармонии или конфликта, радости или печали является вторичным по отношению к основному факту, что два человека чувствуют полноту своего существования, глубину и жизненность отношений.

Текст из работы «Искусство любить».

1. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЛЮБОВЬ ИСКУССТВОМ?

Является ли любовь искусством? Если да, то она требует знания и усилия. Или, может быть, любовь – это приятное чувство, испытать которое – дело случая, нечто такое, что выпадает человеку в случае удачи. Эта маленькая книга основана на первой предпосылке, хотя большинство людей сегодня несомненно исходят из второй.

Не то чтобы люди считали любовь делом неважным. Они ее жаждут, они смотрят бесчисленное количество фильмов о счастливых и несчастливых любовных историях, они слушают сотни глупых песенок о любви, но едва ли кто-нибудь действительно думает, что существует какая-то необходимость учиться любви. Эта особая установка основывается на нескольких предпосылках, которые порознь и в сочетании имеют тенденцию способствовать ее сохранению.

Для большинства людей проблема любви состоит в том, чтобы быть любимым, а не в том, чтоб любить, уметь любить. Значит, сущность проблемы для них в том, чтобы их любили, чтобы они возбуждали чувство любви к себе. К достижению этой цели они идут несколькими путями. Первый, которым обычно пользуются мужчины, заключается в том, чтобы стать удачливым, стать сильным и богатым настолько, насколько позволяет социальная ситуация. Другой путь, используемый обычно женщинами, состоит в том, чтобы сделать себя привлекательной, тщательно следя за своим телом, одеждой и т.д. Иные пути обретения собственной привлекательности, используемые и мужчинами, и женщинами, состоят в том, чтобы выработать хорошие манеры, умение вести интересную беседу, готовность прийти на помощь, скромность, непритязательность. Мно-

гие пути обретения способности возбуждать любовь к себе являются теми же самыми путями, которые используются для достижения удачливости, для обретения полезных друзей и влиятельных связей. Очевидно, что для большинства людей нашей культуры умение возбуждать любовь – это, в сущности, соединение симпатичности и сексуальной привлекательности.

Вторая предпосылка отношения к любви как к чему-то, не требующему обучения, состоит в допущении, что проблема любви – это проблема объекта, а не проблема способности. Люди думают, что любить просто, а вот найти подлинный объект любви, – или оказаться любимым этим объектом, – трудно. Эта установка имеет несколько причин, корнящихся в развитии современного общества. Одна причина в большой перемене, произошедшей в двадцатом веке в отношении выбора «объекта любви». В викторианскую эпоху, как и во многих традиционных культурах, любовь не была в большинстве случаев спонтанным, личным переживанием, которое затем должно было вести к браку. Напротив, брак основывался на соглашении – то ли между семьями, то ли между посредниками в делах брака, то ли без помощи таких посредников; он заключался на основе учета социальных условий, а любовь, как полагали, начнет развиваться с того времени, как брак будет заключен. В течение нескольких последних поколений всеобщим стало в западном мире понятие романтической любви. В Соединенных Штатах, хотя соображения договорной природы брака еще полностью не вытеснены, большинство людей ищут романтической любви, личного переживания любви, которое затем должно повести к браку. Это новое понимание свободы любви должно было в значительной мере повысить значение объекта в ущерб значению функции. С этим фактором тесно связана другая характерная черта современной культуры. Вся наша культура основана на жажде покупать, на идее взаимовыгодного обмена. Счастье современного человека состоит в радостном волнении, которое он испытывает, глядя на витрины магазина и покупая все, что он может позволить себе купить или за наличные или в рассрочку. Он (или она) и на людей глядят подобным образом. Для мужчины привлекательная женщина – для женщины привлекательный мужчина – это добыча, которой они являются друг для друга. Привлекательность обычно означает красивую упаковку свойств, которые популярны и искомы на личностном рынке. Что особенно делает человека привлекательным – это зависит от моды данного времени, как физической, так и духовной. В двадцатых годах привлекательной считалась умеющая пить и курить, разбитная и сексуальная женщина, а сегодня мода требует больше домовитости и скромности. В конце девятнадцатого и в начале двадцатого века мужчина, чтобы стать привлекательным «товаром», должен был быть агрессивным и честолюбивым, сегодня он должен быть общительным и терпимым. К тому же чувство влюбленности

развивается обычно только в отношении такого человеческого товара, который находится в пределах досягаемости собственного выбора. Я ищу выгоды: объект должен быть желанным с точки зрения социальной ценности, и в то же время должен сам желать меня, учитывая мои скрытые и явные достоинства и возможности. Два человека влюбляются тогда, когда чувствуют, что нашли наилучший объект, имеющийся на рынке, учитывая при этом границы собственного обменного фонда. Часто, как при покупке недвижимого имущества, заметную роль в этой сделке играют скрытые возможности, которые могут быть развиты со временем. Едва ли стоит удивляться, что в культуре, где превалирует рыночная ориентация и где материальный успех представляет выдающуюся ценность, человеческие любовные отношения следуют тем же образцам, которые управляют и рынком.

Третье заблуждение, ведущее к убежденности, что в любви ничему не надо учиться, состоит в смешении первоначального чувства влюбленности с перманентным состоянием пребывания в любви. Если двое чужих друг другу людей, какими все мы являемся, вдруг позволят разделяющей их стене рухнуть, этот момент единства станет одним из самых волнующих переживаний в жизни. В нем все наиболее прекрасное и чудодейственное для людей, которые были прежде разобщены, изолированы, лишены любви. Это чудо неожиданной близости часто случается легче, если она начинается с физического влечения и его удовлетворения. Однако такого типа любовь по самой своей природе не долговечна. Два человека все лучше узнают друг друга, их близость все более и более утрачивает чудесный характер, пока, наконец, их антагонизм, их разочарование, их пресыщенность друг другом не убивает то, что осталось от их первоначального волнения. Вначале они не знали этого всего; их, действительно, захватила волна слепого влечения. «Помешательство» друг на друге – доказательство силы их любви, хотя оно могло бы свидетельствовать только о степени их предшествующего одиночества.

Эта установка, что ничего нет легче, чем любить, – продолжает оставаться преобладающей идеей относительно любви вопреки подавляющей очевидности противного. Едва ли существует какая-то деятельность, какое-то занятие, которое начиналось бы с таких огромных надежд и ожиданий и которое все же терпело бы крах с такой неизменностью, как любовь. Если бы это касалось какой-либо иной деятельности, люди сделали бы все возможное, чтобы понять причины неудачи, и научились бы поступать наилучшим для данного дела образом – или отказались бы от этой деятельности. Поскольку последнее в отношении любви невозможно, то единственно адекватный способ избежать неудачи в любви – исследовать причины этой неудачи и перейти к изучению смысла любви.

Первый шаг, который необходимо сделать, это осознать, что любовь – это искусство, такое же, как искусство жить: если мы хотим научиться лю-

бить, мы должны поступать точно так же, как нам предстоит поступать, когда мы хотим научиться любому другому искусству, скажем, музыке, живописи, столярному делу, врачебному или инженерному искусству...

2. ТЕОРИЯ ЛЮБВИ

Любовь – ответ на проблему человеческого существования.

Любая теория любви должна начинаться с теории человека, человеческого существования. Хотя мы обнаруживаем любовь, вернее эквивалент любви, уже у животных, их привязанности являются, в основном, частью их инстинктивной природы; у человека же действуют лишь остатки этих инстинктов. Что действительно существенно в существовании человека так это то, что он вышел из животного царства, из сферы инстинктивной адаптации, переступил пределы природы. И все же однажды оторвавшись от нее, он не может вернуться к ней; однажды он был изгнан из рая – состояния первоначального единства с природой – и ангел с огненным мечом преградит ему путь, если б он захотел вернуться. Человек может идти только вперед, развивать свой разум, находя новую гармонию, человеческую гармонию вместо дочеловеческой, которая безвозвратно утеряна. Когда человек рождается – как весь человеческий род, так и отдельный индивидуум – он оказывается перенесенным из ситуации, которая была определенной, как определенны инстинкты, в ситуацию, которая неопределенна, неясна, открыта. Ясность существует только относительно прошлого – а относительно будущего ясно только, что когда-нибудь да наступит смерть.

Человек одарен разумом, он есть сознающая себя жизнь, он осознает себя, своего ближнего, свое прошлое и возможности своего будущего. Это осознание себя, как отдельного существа, осознание краткости собственной жизни, того, что не по своей воле рожден и вопреки своей воле умрет, что он может умереть раньше, чем те, кого он любит, или они раньше его, и осознание собственного одиночества и отделенности, собственной беспомощности перед силами природы и общества – все это делает его отчужденное, разобщенное с другими существование невыносимой тюрьмой. Он стал бы безумным, если бы не мог освободиться из этой тюрьмы, покинуть ее, объединившись в той или иной форме с людьми, с окружающим миром...

Таким образом, глубочайшую потребность человека составляет потребность преодолеть свою отделенность, покинуть тюрьму своего одиночества. Полная неудача в достижении этой цели означает безумие, потому что панический ужас перед полной изоляцией может быть преодолен только таким радикальным отходом от всего окружающего мира, чтобы исчезло чувство отдельности, чтобы внешний мир, от которого человек отделен, сам перестал существовать...

... Желание межличностного слияния – наиболее мощное стремление в человеке. Это наиболее фундаментальное влечение, это сила, которая заставляет держаться вместе членов человеческого рода, клана, семьи, общества. Неудача в его достижении ведет к безумию или уничтожению – уничтожению себя и других. Без любви человечество не могло бы просуществовать и дня. Однако ж, если мы называем достижение межличностного союза любовью, мы сталкиваемся с серьезной трудностью. Слияние может быть достигнуто различными способами, и различие их имеет не меньше значения, чем то общее, что свойственно различным формам любви. Все ли они должны называться любовью? Или мы должны сохранить слово «любовь» только для особенного вида единения, которое имеет идеальную ценность во всех великих гуманистических религиях и философских системах прошедших четырех тысячелетий истории Запада и Востока?

Как и во всех семантических проблемах, ответ может быть только произвольным. Важно, чтобы мы знали, какой вид единения мы имеем в виду, когда говорим о любви. Или мы имеем в виду любовь как зрелый ответ на проблему существования, или мы говорим о незрелых формах любви, которые могут быть названы симбиотическим союзом. На следующих страницах я буду называть любовью только первую форму. А начну обсуждение «любви» с последней.

Симбиотическое единство имеет свою биологическую модель в отношениях между беременной матерью и плодом. Они являются двумя существами и в то же время чем-то единым. Они живут «вместе» (*sum – biosis*), они необходимы друг другу. Плод – часть матери, он получает все необходимое ему от нее. Мать – это как бы его мир, она питает его, защищает, но также и ее собственная жизнь усиливается благодаря ему. В этом симбиотическом единстве два тела психически независимы, но тот же вид привязанности может существовать и в психологической сфере.

Пассивная форма симбиотического единства – это подчинение, или, если воспользоваться клиническим термином, – мазохизм. Мазохист избегает невыносимого чувства изоляции и одиночества, делая себя неотъемлемой частью другого человека, который направляет его, руководит им, защищает его, является как бы его жизнью и кислородом. Мазохист преувеличивает силу того, кому отдает себя в подчинение: будь то человек или бог. Он – все, я – ничто, я всего лишь часть его. Как часть, я часть величия, силы, уверенности. Мазохист не должен принимать решений, не должен идти ни на какой риск; он никогда не бывает одинок, но не бывает и независим. Он не имеет целостности, он еще даже не родился настоящему. В религиозном контексте объект поклонения – идол, в светском контексте в мазохистской любви действует тот же существенный механизм, что и в идолопоклонстве. Мазохистские отношения могут быть связаны с физическим, сексуальным желанием; в этом случае имеет место подчинение, в котором участвует не только ум человека, но и его тело.

Может существовать мазохистское подчинение судьбе, болезни, ритмической музыке, оргиастическому состоянию, производимому наркотиком, гипнотическим трансом – во всех этих случаях человек отказывается от своей целостности, делает себя орудием кого-то или чего-то вне себя; он не в состоянии разрешить проблему жизни посредством созидательной деятельности.

Активная форма симбиотического единства – это господство, или, используя психологический термин, соотносимый с мазохизмом, – садизм. Садист хочет избежать одиночества и чувства замкнутости в себе, делая другого человека неотъемлемой частью самого себя. Он как бы набирается силы, вбирая в себя другого человека, который ему поклоняется.

Садист зависит от подчиненного человека так же, как и тот зависит от него; ни тот ни другой не могут жить друг без друга. Разница только в том, что садист отдает приказания, эксплуатирует, причиняет боль, унижает, а мазохист подчиняется приказу, эксплуатации, боли, унижению. В реальности эта разница существенна, но в более глубинном эмоциональном смысле не так велика разница, как то общее, что объединяет обе стороны – слияние без целостности. Если это понять, то не удивительно обнаружить, что обычно человек реагирует то по-садистски, то по-мазохистски по отношению к различным объектам. Гитлер поступал прежде всего как садист по отношению к народу, но как мазохист – по отношению к судьбе, истории, «высшей силе» природы. Его конец – самоубийство на фоне полного разрушения – так же характерно, как и его мечта об успехе – полном господстве.

В противоположность симбиотическому единению зрелая любовь – это единение при условии сохранения собственной целостности, собственной индивидуальности. Любовь – это активная сила в человеке, сила, которая рушит стены, отделяющие человека от его ближних, которая объединяет его с другими; любовь помогает ему преодолеть чувство изоляции и одиночества; при этом позволяет ему оставаться самим собой, сохранять свою целостность. В любви имеет место парадокс: два существа становятся одним и остаются при этом двумя.

Когда мы говорим о любви, как об активности, мы сталкиваемся с трудностью, заключающейся в двузначности слова «активность». Под «активностью», в современном смысле слова, обычно понимают действия, которые вносят изменения в существующую ситуацию посредством затраты сил. Следовательно, человек, считается активным, если он делает бизнес, проводит медицинские исследования, работает на конвейере, мастерит стол или занимается спортом. Общее во всех этих видах активности то, что они направлены на достижение внешней цели. Что здесь не принимается во внимание, так это мотивация активности. Возьмем в качестве примера человека, побуждаемого к непрерывной работе чувством глубокой тревожности и одиночеством, или побуждаемого гордыней, или

жадностью к деньгам. Во всех случаях человек является лишь рабом страсти, и его « активность » на самом деле есть не что иное как « пассивность », потому что он подвергается побуждению, как жертва, а не творец. С другой стороны, человек сидящий спокойно и размышляющий, не имея иной цели кроме осознания себя и своего единства с миром, считается « пассивным », потому что он не « делает » чего-либо. В действительности, такое состояние сосредоточенной медитации это и есть высшая активность, активность духа, которая возможна только при условии внутренней свободы и независимости. Одна концепция активности – современная – имеет в виду использование энергии на достижение внешних целей; другая концепция активности имеет в виду использование присущих человеку сил независимо от того, осуществляется ли при этом внешнее изменение. Последняя концепция активности наиболее четко сформулирована Спинозой. Он проводил различие между аффектами, между активными и пассивными аффектами, « действиями » и « страстями ». В осуществлении активного аффекта человек свободен, он хозяин своего аффекта. В осуществлении пассивного аффекта человек побуждаем чем-то, он объект мотиваций, которых сам не осознает. Таким образом, Спиноза пришел к заключению, что добродетель и сила – одно и то же. Зависть, ревность, честолюбие, любой вид жадности – это страсти; любовь – это действие, реализация человеческой силы, которая может быть реализована только в свободе и никогда в принуждении.

Любовь – это активность, а не пассивный аффект, это помощь, а не увлечение. В наиболее общем виде активный характер любви можно описать посредством утверждения, что любовь значит прежде всего давать, а не брать.

Что значит давать? Хотя ответ на этот вопрос кажется простым, он полон двусмысленности и запутанности.

Наиболее широко распространено неверное мнение, что давать – это значит отказаться от чего-то, стать лишенным чего-то, жертвовать. Именно так воспринимается акт давания человеком, чей характер не развит выше уровня рецептивной ориентации, ориентации на эксплуатацию или накопление. Торгашеский характер готов давать только в обмен на что-либо. Давать, ничего не получая взамен, это для него значит быть обманутым. Люди, чья главная ориентация не продуктивна, воспринимают давание как обеднение. Поэтому большинство индивидов этого типа отказываются давать. Некоторые делают добродетель из давания в смысле пожертвования. Они считают, что именно потому, что давать мучительно, человек должен давать; добродетель давания для них заключена в самом акте принесения жертвы. Что давать лучше, чем брать – эта норма для них означала бы, что испытывать лишения лучше, чем переживать радость.

Для продуктивного характера давание имеет совершенно иное значение. Давание – это высшее проявление силы. В каждом акте давания

я осуществляю свою силу, свое богатство, свою власть. Такое переживание высокой жизнеспособности и силы наполняет меня радостью.

Я чувствую себя уверенным, способным на большие затраты сил, полным жизни и потому радостным. Давать – более радостно, чем брать не потому, что это лишение, а потому, что в этом акте давания проявляется выражение моей жизнеспособности. Наиболее важная сфера давания – это, однако, не сфера материальных вещей, а специфически человеческая сфера. Что один человек дает другому. Он дает себя, самое драгоценное из того, что имеет, он дает свою жизнь. Но это не обязательно должно означать, что он жертвует свою жизнь другому человеку. Он дает ему то, что есть в нем живого, он дает ему свою радость, свой интерес, свое понимание, свое знание, свой юмор, свою печаль – все переживания и все проявления того, что есть в нем живого. Этим даванием своей жизни он обогащает другого человека, увеличивает его чувство жизнеспособности. Он дает не для того, чтобы брать; давание само по себе составляет острое наслаждение. Но, давая, он не может не вызывать в другом человеке чего-то такого, что возвращается к нему обратно: истинно давая, он не может не брать то, что дается ему в ответ. Давание побуждает другого человека тоже стать дающим, и они оба разделяют радость, которую внесли в жизнь. В акте давания что-то рождается, и оба вовлеченных в этот акт человека благодарны жизни за то, что она рождает для них обоих. В случае любви это означает, что любовь – это сила, которая рождает любовь, а бессилие – это невозможность породить любовь...

...Едва ли стоит подчеркивать, что способность любви, понимаемой как акт давания, зависит от развития характера человека. Она предполагает достижение высокого уровня продуктивной ориентации, в этой ориентации человек преодолевает всемогущее нарциссистское желание эксплуатировать других и накапливать и приобретает веру в свои собственные человеческие силы, отвагу полагаться на самого себя в достижении своих целей. Чем более недостает человеку этих черт, тем более он боится отдавать себя – а значит, любить.

Кроме элемента давания, действенный характер любви становится очевидным и в том, что она всегда предполагает определенный набор элементов, общих всем формам любви. Это – забота, ответственность, уважение и знание.

Что любовь означает заботу, наиболее очевидно в любви матери к своему ребенку. Никакое ее заверение в любви не убедит нас, если мы увидим отсутствие у нее заботы о ребенке, если она пренебрегает кормлением, не купает его, не старается полностью его обиходить; но когда мы видим ее заботу о ребенке, мы всецело верим в ее любовь. Это относится и к любви к животным и цветам. Если какая-то женщина скажет нам, что любит цветы, а мы увидим, что она забывает их поливать, мы не поверим в ее любовь к цветам. Любовь – это активная заинтересован-

ность в жизни и развитии того, что мы любим. Где нет активной заинтересованности, там нет любви. Этот элемент любви прекрасно описан в притче об Ионе. Бог повелел Ионе пойти в Ниневию предупредить ее жителей, что они будут наказаны, если не сойдут со своих пагубных путей. Иона отказался от этой миссии, потому что боялся, что люди Ниневии раскаются, и бог простит их. Он был человеком с сильным чувством порядка, но не любви. Поэтому при попытке к бегству он оказался в животе кита, символизирующего состояние изоляции и замкнутости, куда его перенесли недостаток любви и солидарности. Бог спасает его, и Иона идет в Ниневию. Он проповедует жителям то, что Бог поведал ему, и случается все то, чего он опасался. Люди Ниневии раскаиваются в своих грехах, исправляют пути свои, и бог прощает их и решает не разрушать город. Иона сильно рассержен и разочарован, он хочет, чтобы восторжествовала справедливость, а не милосердие. Наконец, он находит некоторое утешение в тени дерева, которое Бог заставил вырасти, чтобы защитить Иону от солнца. Но когда Бог заставляет дерево увянуть, Иона впадает в уныние и сердито выражает Богу недовольство. Бог отвечает: «Ты жалеешь растение, ради которого не трудился и которое не растил, которое за одну ночь само выросло и за одну ночь погибло. А я не должен спасти Ниневию, этот большой город, в котором более шести тысяч человек, неспособных различить, что между их правой и левой рукой, да еще много скота?» Ответ бога Ионе должен быть понят символически. Бог показывает Ионе, что сущность любви – это труд для кого-то и содействие его росту, что любовь и труд нераздельны. Каждый любит то, для чего он трудится, и каждый трудится для того, что он любит.

Забота и заинтересованность ведут к другому аспекту любви: к ответственности. Сегодня ответственность часто понимается как налагаемая обязанность, как что-то навязанное извне. Но ответственность в ее истинном смысле – это от начала до конца добровольный акт. Это мой ответ на выраженные или невыраженные потребности человеческого существа. Быть «ответственным» значит быть в состоянии и готовности отвечать». Иона не чувствовал ответственности за жителей Ниневии. Он, подобно Каину, мог спросить: «Разве сторож я брату моему?». Любящий человек чувствует себя ответственным. Жизнь его брата – это не только дело самого брата, но и его дело. Он чувствует ответственность за всех ближних, как он чувствует ответственность за самого себя. Эта ответственность в случае матери и ребенка побуждает ее к заботе, главным образом, о его физических потребностях. В любви между взрослыми людьми она касается, главным образом, психических потребностей другого человека.

Ответственность могла бы легко вырождаться в желание превосходства и господства, если бы не было компонента любви: уважения. Уважение – это не страх и благоговение; оно означает в соответствии с корнем слова (*gaspicere* = to look at) способность видеть человека таким, ка-

ков он есть, осознавать его уникальную индивидуальность. Уважение означает желание, чтобы другой человек рос и развивался таким, каков он есть. Уважение, таким образом, предполагает отсутствие эксплуатации. Я хочу, чтобы любимый мною человек рос и развивался ради него самого, своим собственным путем, а не для того, чтобы служить мне. Если я люблю другого человека, я чувствую единство с ним, но с таким, каков он есть, а не с таким, как мне хотелось бы чтоб он был, в качестве средства для моих целей. Ясно, что уважение возможно, только если я сам достиг независимости, если я могу стоять на своих ногах без посторонней помощи, без потребности властвовать над кем-то и использовать кого-то. Уважение существует только на основе свободы: *l'amor est l'enfant de la liberte* – как говорится в старой французской песне, любовь – дитя свободы и никогда – господства.

Уважать человека невозможно, не зная его; забота и ответственность были бы слепы, если бы их не направляло знание. Знание было бы пустым, если бы его мотивом не была заинтересованность. Есть много видов знания; знание, которое является элементом любви, не ограничивается поверхностным уровнем, а проникает в самую сущность. Это возможно только тогда, когда я могу переступить пределы собственного интереса и увидеть другого человека в его собственном проявлении. Я могу знать, например, что человек раздражен, даже если он и не проявляет это открыто; но я могу знать его еще более глубоко: я могу знать, что он встревожен и обеспокоен, чувствует себя одиноким, чувствует себя виноватым. Тогда я знаю, что его раздражение – это проявление чего-то более глубинного, и я смотрю на него как на встревоженного и обеспокоенного, а это значит – как на страдающего человека, а не только как на раздраженного.

Знание имеет еще одно, и более основательное, отношение к проблеме любви. Фундаментальная потребность в соединении с другим человеком таким образом, чтобы мочь освободиться из темницы собственной изоляции, тесно связана с другим специфическим человеческим желанием, желанием познать «тайну человека». Хотя жизнь уже и в самих биологических аспектах является чудом и тайной, человек, в его именно человеческих аспектах, является непостижимой тайной для себя самого – и для своих близких. Мы знаем себя, и, все же несмотря на все наши усилия, мы не знаем себя. Мы знаем своего ближнего; и все же мы не знаем его, потому что мы не вещь и наш ближний – не вещь. Чем глубже мы проникаем в глубины нашего существа или какого-либо иного существа, тем более цель познания удаляется от нас. И все же мы не можем избавиться от желания проникнуть в тайну человеческой души, в то сокровеннейшее ядро, которое и есть «он».

Есть один, отчаянный, путь познать тайну: это путь полного господства над другим человеком, господства, которое сделает его таким, как

мы хотим, заставит чувствовать то, что мы хотим; превратит его в вещь, нашу вещь, собственность. Высшая степень такой попытки познания обнаруживается в крайностях садизма, в желании и способности причинять страдания человеческому существу; пытать его, мучениями заставить выдать свою тайну...

... Другой путь познания «тайны» – это любовь. Любовь представляет собой активное проникновение в другого человека, проникновение, в котором мое желание познания удовлетворяется благодаря единению. В акте слияния я познаю тебя, я познаю себя, я познаю всех – и я «не знаю» ничего. Я обретаю таким путем – благодаря переживанию единства – знание о том, чем человек жив и на что способен, но это знание невозможно получить благодаря мысли. Садизм мотивирован желанием познать тайну, и все же я остаюсь таким несведущим, каким был и прежде. Я расчленил другое существо на части, и все, чего я достиг – это разрушил его. Любовь – единственный путь познания, который в акте единения отвечает на мой вопрос. В акте любви, отдавания себя, в акте проникновения вглубь другого человека я нахожу себя, я открываю себя, я открываю нас обоих, я открываю человека...

3. ОБЪЕКТЫ ЛЮБВИ

Любовь – это не обязательно отношение к определенному человеку; это установка, ориентация характера, которая задает отношения человека к миру вообще, а не только к одному «объекту» любви. Если человек любит только какого-то одного человека и безразличен к остальным ближним, его любовь – это не любовь, а симбиотическая зависимость или преувеличенный эгоизм. Большинство людей все же уверены, что любовь зависит от объекта, а не способности. Они даже уверены, что это доказывает силу их любви, раз они не любят никого, кроме «любимого» человека. Здесь то же заблуждение, о котором уже упоминалось выше. Поскольку они не понимают, что любовь – это активность, сила духа, они думают, что главное – это найти правильный объект, а дальше все пойдет само собой. Эту установку можно сравнивать с установкой человека, который хочет рисовать, но вместо того, чтобы учиться живописи, твердит, что он просто должен дождаться правильного объекта; и когда найдет его, то будет рисовать великолепно. Но если я действительно люблю какого-то человека, я люблю всех людей, я люблю мир, я люблю жизнь. Если я могу сказать кому-то «я люблю тебя», я должен быть способен сказать «я люблю в тебе все», «я люблю благодаря тебе весь мир, я люблю в тебе самого себя».

Мысль, что любовь – это ориентация, которая направлена на все, а не на что-то одно, не основана, однако, на идее, что не существует различия между разными типами любви, зависимыми от видов любимого объекта.

а. Братская любовь

Наиболее фундаментальный вид любви, составляющий основу всех типов любви, это братская любовь. Под ней я разумею ответственность, заботу, уважение, знание какого-либо другого человеческого существа, желание продлить его жизнь. Об этом виде любви идет речь в Библии, когда говорится: «возлюби ближнего своего, как самого себя». Братская любовь – это любовь ко всем человеческим существам; ее характеризует полное отсутствие предпочтения. Если я развил в себе способность любви, я не могу не любить своих братьев. В братской любви наличествует переживание единства со всеми людьми, человеческой солидарности, человеческого единения. Братская любовь основывается на чувстве, что все мы – одно. Различия в талантах, образовании, знании не принимаются в расчет, главное здесь – идентичность человеческой сущности, общей всем людям. Чтобы испытать чувство идентичности, необходимо проникнуть вглубь – от периферии к центру. Если я постиг другого человека лишь поверхностно, я постиг только различия, которые разделяют нас. Если я проник в суть, я постиг нашу идентичность, факт нашего братства...

... Братская любовь – это любовь между равными; но даже равные не всегда «равны». Как люди, все мы нуждаемся в помощи. Сегодня я, завтра ты. Но потребность в помощи не означает, что одни беспомощны, а другой всемогущ. Беспомощность – это временное состояние; способность обходиться собственными силами – это постоянное и общее состояние.

И все же любовь к беспомощному человеку, любовь к бедному и чужому – это начало братской любви. Нет достижения в том, чтобы любить человека одной с тобой крови. Животные любят своих детенышей и заботятся о них. Беспомощный любит своего господина, так как от того зависит его жизнь, ребенок любит своих родителей, так как он нуждается в них. Любовь начинает проявляться, только когда мы любим тех, кого не можем использовать в своих целях...

б. Материнская любовь

... Материнская любовь – это безусловное утверждение в жизни ребенка и его потребностей. Но здесь должно быть сделано одно важное дополнение. Утверждение жизни ребенка имеет два аспекта: один – это забота и ответственность, абсолютно необходимые для сохранения жизни ребенка и его роста. Другой аспект выходит за пределы простого сохранения жизни. Это – установка, которая внушает ребенку любовь к жизни, которая дает ему почувствовать, что хорошо быть живым, хорошо быть маленьким мальчиком или девочкой, хорошо жить на этой земле! Два этих аспекта материнской любви лаконично выражены в библейском рассказе о творении. Бог создал мир и человека. Это соответствует простой заботе и утверждению существования. Но бог вышел за пределы этого минимального требования. Всякий день после творения природы –

и человека – Бог говорит: «Это хорошо». Материнская любовь на этой второй ступени заставляет ребенка почувствовать, как хорошо родиться на свет; она внушает ребенку любовь к жизни, а не только желание оставаться жизнеспособным...

... В противоположность братской и эротической любви, которые являются формами любви между равными, связь матери и ребенка – это по самой своей природе неравенство, где один полностью нуждается в помощи, а другой дает ее. Из-за альтруистического, бескорыстного характера материнская любовь считается высшим видом любви и наиболее священной из всех эмоциональных связей. Представляется все же, что действительным достижением материнской любви является не любовь матери к младенцу, а ее любовь к растущему ребенку. Действительно, огромное большинство матерей – любящие матери, пока ребенок мал и полностью зависим от них. Большинство матерей хотят детей, они счастливы с новорожденным ребенком и погружены в заботу о нем. И это несмотря на то, что они ничего не получают от ребенка в ответ, кроме улыбки или выражения удовольствия на лице. Эта установка на любовь отчасти коренится в инстинктивной природе, которую можно обнаружить у самок как животных, так и людей. Но наряду с важностью инстинктивного фактора существуют еще специфически человеческие психологические факторы, ответственные за этот тип материнской любви. Один из них может быть обнаружен в нарциссистском элементе материнской любви. Ввиду того, что ребенок воспринимается как часть ее самой, любовь и слепое обожание матери могут быть удовлетворением ее нарциссизма. Другие мотивации могут быть обнаружены в материнском желании власти или обладания. Ребенок, существо беспомощное и полностью зависимое от ее воли, – это естественный объект удовлетворения для женщины, властной и обладающей собственническими чертами.

Хотя эти мотивации встречаются часто, они, вероятно, все же менее важны и менее всеобщи, чем мотивация, которая может быть названа потребностью трансцендирования. Потребность в трансцендировании одна из основных потребностей человека, коренящаяся в его самосознании. Он не удовлетворен своей ролью в сотворенном мире, он не может воспринимать себя в качестве игральной кости, наугад брошенной из кубка. Ему необходимо чувствовать себя творцом, выйти за пределы пассивной роли сотворенного существа. Есть много путей достижения удовлетворения творением; наиболее естественный и легкий путь достижения – это материнская забота и любовь к ее творению. Она выходит за пределы себя в ребенке, ее любовь к нему придает значение и смысл ее собственной жизни. (В самой неспособности мужчины удовлетворить свою потребность в трансцендировании посредством рождения детей заключена его страстная потребность выйти за пределы себя в творениях рук своих и идей).

Но ребенок должен расти. Он должен покинуть материнское лоно, оторваться от материнской груди, наконец, стать совершенно независи-

мым человеческим существом. Сама сущность материнской любви – забота о росте ребенка – предполагает желание, чтобы ребенок отделился от матери. В этом основное ее отличие от любви эротической. В эротической любви два человека, которые были разделены, становятся едины. В материнской любви два человека, которые были едины, становятся отдельными друг от друга. Мать должна не просто терпеть, а именно хотеть и поддерживать отдаление ребенка. Именно на этой стадии материнская любовь превращается в такую трудную задачу, потому что требует бескорыстности, способности отдавать все и не желать взамен ничего, кроме счастья любимого человека. Именно на этой стадии многие матери оказываются неспособны решить задачу материнской любви. Нарциссистская, властная, с собственнической установкой женщина может успешно быть любящей матерью, пока ребенок мал. Но только действительно любящая женщина, для которой больше счастья в том, чтобы отдавать, чем в том, чтобы брать, которая крепко укоренилась в своем собственном существовании, может быть любящей матерью, когда ребенок начинает отделяться от нее.

Материнская любовь к растущему ребенку, любовь, которая ничего не желает для себя, – это, возможно, наиболее трудная форма любви из всех достижимых, и наиболее обманчивая из-за легкости, с которой мать может любить своего младенца. Но именно потому, что это трудно, женщина может стать действительно любящей матерью, только если она способна любить вообще; если она способна любить своего мужа, других детей, чужих людей, всех людей. Женщина, которая не в состоянии любить в этом смысле, может быть нежной матерью, пока ребенок мал, но она не может быть любящей матерью, чья задача в том, чтобы быть готовой перенести отделение ребенка – и даже после отделения продолжать любить его.

в. Эротическая любовь

Братская любовь – это любовь между равными; материнская любовь – это любовь к беспомощному существу. Как бы они ни отличались друг от друга, общее у них то, что они по своей природе не ограничиваются одним человеком. Если я люблю своего брата, я люблю своих братьев; если я люблю своего ребенка, я люблю всех своих детей; более того я люблю всех детей, всех, кто нуждается в моей помощи. Противоположность обоим этим типам любви составляет эротическая любовь, она жаждет полного слияния, единства с единственным человеком. Она по самой своей природе исключительна, а не всеобща; к тому же, вероятно, это самая обманчивая форма любви.

Прежде всего ее часто путают с бурным переживанием «влюбленности», внезапного крушения барьеров, существовавших до этого момента между двумя чужими людьми. Но, как было отмечено ранее, это переживание внезапной близости по самой своей природе кратковременно. После того, как чужой станет близким, нет больше барьеров для преодоле-

ния, нет больше неожиданного сближения. Любимого человека познаешь так же хорошо, как самого себя. Или, может, лучше сказать – познаешь так же мало, как самого себя. Если бы познание другого человека шло вглубь, если бы познавалась бесконечность его личности, то другого человека никогда нельзя было бы познать окончательно – и чудо преодоления барьеров могло бы повторяться каждый день заново. Но у большинства людей познание собственной личности, так же как и познание других личностей, слишком поспешное, слишком быстро исчерпывается. Для них близость утверждается прежде всего через половой контакт. Поскольку они ощущают отчужденность другого человека прежде всего как физическую отчужденность, то физическое единство принимают за преодоление отчужденности.

Кроме того, существуют другие факторы, которые для многих людей означают преодоление отчужденности. Говорить о собственной личной жизни, о собственных надеждах и тревогах, показать свою детскость и ребячливость, найти общие интересы – все это воспринимается как преодоление отчужденности. Даже обнаружить свой гнев, свою ненависть, неспособность сдерживаться – все это принимается за близость. Этим можно объяснить извращенность влечения друг к другу, которое в супружеских парах часто испытывают люди, кажущиеся себе близкими только тогда, когда они находятся в постели или дают выход своей взаимной ненависти и ярости. Но во всех этих случаях близость имеет тенденцию с течением времени сходиться на нет. В результате – поиски близости с новым человеком, с новым чужим. Опять чужой превращается в близкого, опять напряженное и сильное переживание влюбленности. И опять она мало-помалу теряет свою силу и заканчивается желанием новой победы, новой любви – при иллюзии, что новая любовь будет отличаться от прежних. Этим иллюзиям в значительной степени способствует обманчивый характер полового желания.

Половое желание требует слияния, но физическое влечение основывается не только на желании избавления от болезненного напряжения. Половое желание может быть внушено не только любовью, но также и тревогой и одиночеством, жадной покорять и быть покоренным, тщеславием, потребностью причинять боль и даже унижать. Оказывается, половое желание вызывается или легко сливается с любой другой сильной эмоцией, лишь одной из которых является любовь. Из-за того, что половое желание в понимании большинства людей соединено с идеей любви, они легко впадают в заблуждение, что они любят друг друга, когда их физически влечет друг к другу. Когда желание полового смятения вызвано любовью, то физическая близость лишена жадности, потребности покорять или быть покоренным, но исполнена нежности. Если желание физического соединения вызвано не любовью, если эротическая любовь еще не дополняется братской любовью, это никогда не поведет к единст-

ву, которое было бы чем-то большим, чем оргиастическое преходящее единение. Половое влечение создает на краткий миг иллюзию единства, однако без любви это единство оставляет чужих такими же чужими друг другу, какими они были прежде. Иногда оно заставляет их стыдиться и даже ненавидеть друг друга, потому что когда иллюзия исчезает, они ощущают свою отчужденность еще сильнее, чем прежде. Нежность не означает, как думал Фрейд, сублимацию полового инстинкта; это прямой результат братской любви, и она присутствует как в физической, так и в нефизической формах любви...

...Эротическая любовь делает предпочтение, но в другом человеке она любит все человечество, все, что есть живого. Она предпочтительна только в том смысле, что я могу соединить себя целиком и прочно с одним человеком. Эротическая любовь исключает любовь к другим только в смысле эротического слияния, полного соединения во всех аспектах жизни – но не в смысле глубокой братской любви....

...Любовь к кому-либо – это не просто сильное чувство, это решимость, это разумный выбор, это обещание. Если бы любовь была только чувством, то не было бы основания обещать любить друг друга вечно. Чувство приходит и уходит. Как я могу знать, что оно останется навечно, если мое действие не включает разумного выбора и решения?

Принимая во внимание все эти точки зрения, можно было бы прийти к заключению, что любовь – это исключительно акт воли и обязательства, и поэтому в корне безразлично, каковы два человека. Устраивался ли брак другими или он результат индивидуального выбора, однажды этот брак заключен, и акт воли должен гарантировать продолжение любви. Такой взгляд, как представляется, не учитывает парадоксального характера человеческой природы и эротической любви. Мы все – единство, однако каждый из нас уникальное неповторимое существо. В наших отношениях с другими повторяется тот же парадокс. Так как все мы – одно, мы можем любить каждого человека братской любовью. Но ввиду того, что все мы еще и различны, эротическая любовь требует определенных, особенных, в высшей степени индивидуальных элементов, которые наличествуют у отдельных людей, но не у всех.

Обе точки зрения – одна, что эротическая любовь – это от начала до конца уникальное индивидуальное влечение двух определенных людей, а другая, что эротическая любовь – не что иное как акт воли, – верны. Или, если выразиться более точно, – неверна ни та, ни другая. Так, идея, что отношения могут быть легко расторгнуты, если они безуспешны, ошибочна в той же мере, как и идея, что отношения не должны быть расторгнуты ни при каких обстоятельствах.

г. Любовь к себе

Хотя не вызывает возражения применение понятия любви к различным объектам, широко распространено мнение, что любить других лю-

дей – добродетельно, а любить себя – грешно. Считается, что в той мере, в какой я люблю себя, я не люблю других людей, что любовь к себе – это то же, что и эгоизм...

...Прежде чем начать обсуждение психологического аспекта эгоизма и любви к себе, следует подчеркнуть наличие логической ошибки в определении, что любовь к другим и любовь к себе взаимно исключают друг друга. Если добродетельно любить своего ближнего, как человеческое существо, должно быть добродетельно – а не пороком – любить и себя, так как я тоже человеческое существо. Нет такого понятия человека, в которое не был бы включен и я сам. Доктрина, которая провозглашает такое исключение, доказывает, что она сама внутренне противоречива. Идея, выраженная в библейском «возлюби ближнего как самого себя», подразумевает, что уважение к собственной целостности и уникальности, любовь к самому себе и понимание себя не могут быть отделены от уважения, понимания и любви к другому индивиду. Любовь к своему собственному «я» нераздельно связана с любовью к любому другому существу.

Теперь мы подошли к основным психологическим предпосылкам, на которых построены выводы нашего рассуждения. В основном эти предпосылки таковы: не только другие, но и мы сами являемся объектами наших чувств и установок; установки по отношению к другим и по отношению к самим себе не только далеки от противоречия, но основательно связаны. В плане обсуждаемой проблемы это означает: любовь к другим и любовь к себе не составляют альтернативы. Напротив, установка на любовь к себе будет обнаружена у всех, кто способен любить других. Любовь, в принципе, неделима в смысле связи между «объектами» и чьими-то собственными «я». Подлинная любовь – это выражение созидательности и она предполагает заботу, уважение, ответственность и знание. Это не аффект, в смысле подверженности чьему-то воздействию, а активная борьба за развитие и счастье любимого человека, исходящая из самой способности любить.

Любовь к кому-то – это осуществление и сосредоточение способности любить. Основной заряд, содержащийся в любви, направлен на любимого человека как на воплощение существеннейших человеческих качеств. Любовь к одному человеку предполагает любовь к человеку как таковому. «Разделение труда», как называл это Уильям Джеймс, при котором человек любит свою семью, но не испытывает никакого чувства к «чужому», означает принципиальную неспособность любить.

Любовь к людям является не следствием, как часто полагают, а предпосылкой любви к какому-то определенному человеку, хотя генетически она выражается в любви к отдельному индивиду.

Из этого следует, что мое собственное «я» должно быть таким же объектом моей любви, как и другой человек. Утверждение моей собственной жизни, счастья, развития, свободы коренится в моей собственной

способности любить, то есть в заботе, уважении, ответственности и знании. Если индивид в состоянии любить созидательно, он любит также и себя; если он любит только других, он не может любить вообще...

д. Любовь к Богу

Выше утверждалось, что основу нашей потребности в любви составляет переживание одиночества и вытекающая отсюда потребность преодолеть тревогу одиночества посредством переживания единства. Религиозная форма любви, которая называется любовью к Богу, в психологическом смысле не является чем-то отличным. Она тоже берет начало в потребности преодолеть отчужденность и достичь единства. Действительно, любовь к Богу имеет так же много различных свойств и аспектов, как и любовь к человеку, и в значительной мере мы находим здесь те же самые различия.

Во всех теистических религиях, будь то политические или монотеистические религии, Бог означает высшую добродетель, самое желанное благо. Следовательно, специфическое значение Бога зависит от того, что составляет наиболее желанное благо для человека. Понимание понятия Бога должно поэтому начинаться с анализа структуры характера человека, который поклоняется Богу...

Давайте сначала поговорим о развитии от матерински-центрированных к отцовски-центрированным религиям. Согласно большим и решающим открытиям Бахофена и Моргана в середине XIX в. и вопреки отрицанию их академическими кругами, вряд ли можно сомневаться, что матриархальная фаза религии предшествовала патриархальной, по крайней мере, во многих культурах. На матриархальной стадии высшим существом была мать. Она – богиня, она также авторитет в семье и обществе. Чтобы понять сущность матриархальной религии, нам достаточно вспомнить, что было сказано о сущности материнской любви. Материнская любовь безусловна, она покровительствует всем, она всеобъемлюща; будучи безусловной, она не может быть проконтролирована или вызвана. Ее наличие дает любимому человеку чувство блаженства, ее отсутствие производит чувство потерянности и отчаяния. Так как мать любит своих детей, потому что они ее дети, а не потому что они хорошие, послушные или исполняют ее желания и приказы, то материнская любовь основана на равенстве. Все люди равны, потому что они все дети матери, все они дети Матери-Земли. Следующая стадия человеческой эволюции, единственная, о которой мы уже имеем достоверное знание и не вынуждены доверяться предположениям и реконструкциям, это патриархальная фаза. В этот период мать утрачивает свое высшее положение и Высшим существом становится отец, как в религии так и в обществе. Природа отцовской любви такова, что отец выдвигает требования, устанавливает принципы и законы, и его любовь к сыну зависит от выполнения сыном этих требований. Отец любит лучшего сына, который похож на него, ко-

торый наиболее послушен и подходит для того, чтобы стать его преемником и унаследовать его имущество. (Развитие патриархального общества шло рука об руку с развитием частной собственности). Вследствие этого патриархальное общество иерархично. Равенство между братьями уступает место соперничеству и взаимной борьбе...

... Я должен был рассмотреть различие между матриархальными и патриархальными элементами в религии, чтобы показать, что характер любви к Богу зависит от соответствующей доли матриархальных и патриархальных аспектов религии. Патриархальный аспект заставляет меня любить Бога как отца; я признаю, что он справедлив и суров, что он карает и вознаграждает, что он изберет меня как своего возлюбленного сына, как Бог избрал Авраама – Израиля, как Исаак избрал Иакова, как Бог избрал свой избранный народ. В матриархальном аспекте религии: я люблю Бога как всеобъемлющую мать, я верю в ее любовь, и пусть даже я беден и бессилен, пусть даже я согрешил, она будет любить меня, она не предпочтет мне никого другого из ее детей; что бы ни случилось со мной, она спасет меня, уберезет меня, простит меня. Нет нужды говорить, что моя любовь к Богу и любовь ко мне нераздельны. Если Бог – это отец, он любит меня как сына, и я люблю его как отца. Если Бог – мать, ее и моя любовь определяется этим.

Различие между материнским и отцовским аспектами любви к Богу является, однако, только одним фактором, определяющим природу этой любви; другой фактор – уровень зрелости, достигнутой индивидом, а значит, и уровень зрелости его понятия Бога и его любви к Богу.

С тех пор, как эволюция рода человеческого привела от матерински-центрированной к отцовски-центрированной структуре общества и религии, мы можем проследить развитие зрелой любви, главным образом в развитии патриархальной религии.

В начале этого развития мы находим деспотического, жестокого Бога, который считает созданного им человека своей собственностью и имеет право делать с ним все, что угодно. Но развитие идет дальше, чем превращение Бога из фигуры деспотического племенного вождя в любящего отца, который ограничивает себя принципами, им самим постулированными. Оно идет в направлении превращения Бога из фигуры отца в символ его принципов, принципов справедливости, истиной любви. Бог – это истина, Бог – это справедливость. В этом развитии Бог перестает быть личным существом, отцом. Он стал символом принципа единства в разнообразии явлений, воображаемом образе цветка, который вырастает из духовного семени в человеке. Бог не может иметь имени. Имя всегда обозначает вещь или личность, нечто конечное. Как может Бог иметь имя, если он не личное существо и не вещь?..

...Вполне очевидно, что эта эволюция от антропоморфизма к чистому монотеистическому принципу повела к изменению понимания приро-

ды любви к Богу. Бога Авраама можно любить или бояться, как отца, иногда у него доминирует прощение, иногда гнев. Поскольку Бог является отцом, то я являюсь ребенком. Я не избавился полностью от аутистического желания всеведения и всемогущества. Я все еще не достиг такой объективности, чтобы всецело признать ограниченность своего человеческого существа, свое невежество, свою беспомощность. Я все еще требую, как ребенок, чтоб был отец, который спасает меня, опекает меня, наказывает меня, отец, который любит меня, когда я послушен, которому лестна моя хвала и который гневается, если я непослушен. Без сомнения, большинство людей в их личном развитии не преодолевают этой инфантильности и потому вера в Бога для большинства людей – это вера в помогающего отца – детская иллюзия. Несмотря на то, что это понимание религии было преодолено некоторыми великими учителями рода человеческого и меньшинством людей, оно все еще остается преобладающей формой религии.

А раз так, то критика идеи Бога, высказанная Фрейдом, вполне справедлива. Ошибка заключалась лишь в том, что он игнорировал другой аспект монотеистической религии и его истинную суть, логика которой ведет именно к отрицанию этого понятия Бога. Истинно религиозный человек, если он следует сущности монотеистической идеи, не молится ради чего-то, не требует чего-либо от Бога; он любит Бога не так, как ребенок любит своего отца или свою мать; он достигает смирения, чувствует свою ограниченность, зная, что он ничего не знает о Боге. Бог становится для него символом, в котором человек на ранней стадии своей эволюции выразил полноту всего того, к чему стремится сам, реальность духовного мира, любви, истины и справедливости. Он верит в принципы, которые представляет «Бог», он думает истинно, живет в любви и справедливости, считает свою жизнь ценной только в той мере, в какой она дает ему возможность более полного раскрытия его человеческих сил, как единственной реальности, которую он принимает в расчет, как единственного объекта пристального интереса; и, наконец, он не говорит о Боге – даже не упоминает его имени. Любить Бога, – если бы он использовал эти слова, – означало бы стремиться к достижению совершенной способности любить, к осуществлению того, что символизирует собой «Бог».

В современной религии мы находим все стадии, от самого раннего и примитивного развития до высшей стадии. Слово «бог» обозначает как племенного вождя, так и «абсолютное ничто». Таким же образом и каждый индивид сохраняет в себе, в своем бессознательном, как было показано Фрейдом, все стадии, начиная со стадии беспомощного младенца. Вопрос в том, до какой стадии человек дорос. Одно вполне определено: природа его любви к Богу соответствует природе его любви к человеку, и далее, действительный характер его любви к Богу и человеку часто остается бессознательным, будучи скрыт и рационализирован более зрелой

мыслью о том, что есть его любовь. Далее, любовь к человеку, хотя непосредственно она вплетена в его отношения со своей семьей, в конечном счете определяется структурой общества, в котором он живет. Если социальная структура основана на подчинении авторитету – явному авторитету, анонимному авторитету рынка и общественного мнения, – его понятие бога по необходимости оказывается инфантильным и далеким от зрелости, зерна которой можно найти в истории монотеистической религии.

(Фромм Э. Искусство любить // Фромм Э. Душа человека. М., 1992).

Вопросы к тексту

1. Каково представление о любви в современном обществе, по мнению Э. Фромма?
2. Как любовь решает главную проблему человеческого существования?
3. Что отличает человека с «продуктивной ориентацией»?
4. Какие элементы являются признаками зрелой любви?
5. Какие типы любви выделяет Э. Фромм и в чем их особенности?

ОРТЕГА-И-ГАССЕТ ХОСЕ

Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955) – испанский писатель и философ, известен как «философ агоры» – популяризировал свои идеи с помощью газетных статей, специально созданных для этой цели журналов, в книгах и публичных лекциях.

Хосе Ортега-и-Гассет возглавлял кафедру метафизики Мадридского университета (1910–1936), принимал активное участие в политической жизни страны до начала Гражданской войны, а в 1936 г. эмигрировал, вернулся в Испанию в 1945 г., основал Институт гуманитарных наук (1948), журнал и издательство «Ревиста де Оксиденте», главной целью которых было ознакомление испанского и латиноамериканского читателя с лучшими произведениями европейских философов и ученых.

Философское учение Ортега-и-Гассета возникло под влиянием неокантианства, феноменологии, «философии жизни» и экзистенциализма, получило название «рациовитализм», то есть учение о «жизненном», или «историческом», разуме.

Широкую известность получили произведения «Дегуманизация искусства» и «Восстание масс», в которых рассматриваются различные аспекты кризиса современной культуры. Он впервые в западной философии изложил основные принципы доктрины «массового общества», под которым понимал духовную атмосферу, сложившуюся на Западе в результате кризиса буржуазной демократии, бюрократизации общественных институтов, распространения денежно-меновых отношений на все формы межличностных контактов. Данную духовную ситуацию, в которой человек чувствует себя исполнителем извне навязанной ему роли, частицей безличного начала – толпы, автор критикует и считает ее неиз-

бежным результатом развязывания демократической активности масс. Выход из такого положения дел Ортега-и-Гассет видит в создании новой, аристократической элиты – людей, способных на произвольный «выбор», руководствующихся только непосредственным «жизненным порывом».

Приведенный ниже фрагмент из работы «Этюды о любви» знакомит со взглядами испанского философа на феномен любви, его природу, сущностные характеристики.

Текст из работы «Этюды о любви».

ПРИМЕТЫ ЛЮБВИ

Поговорим о любви, условившись, что о «любовных историях» мы говорить не будем. «Любовные истории», самого неожиданного свойства, то и дело случаются между мужчинами и женщинами. Им сопутствует множество обстоятельств, усложняющих их развитие до такой степени, что более всего «любовным историям» можно отказать в том, что действительно стоит называть любовью. Что может быть заманчивее для исследователя, чем психология «любовных историй», со всей их пестрой казуистикой, однако нам будет непросто во всем разобраться, если сначала мы не определим, что же такое любовь сама по себе и как таковая. Кроме того, мы сузили бы тему, сведя ее к рассмотрению любви, которую испытывают друг к другу мужчины и женщины. Тема неизмеримо шире, и Данте полагал, что любовь движет солнце и другие светила.

Даже если мы воздержимся от столь вселенского охвата, нам следует учесть все многообразие проявлений любви. Не только мужчина любит женщину, а женщина любит мужчину; мы любим также искусство и науку, мать любит своего ребенка, а верующий любит Бога. Огромное множество и разнородность объектов, подчиняющихся законам любви, делают нас осмотрительнее и не позволяют счесть присущими любви те особенности и свойства, суть которых, скорее, в природе всевозможных любимых кем-либо объектов.

Последние двести лет очень много говорили о любовных историях и очень мало – о любви. И если все эпохи, начиная с добрых времен Древней Греции, создавали свои великие теории сердечных чувств, два последних столетия ее лишены. Античный мир вначале предпочел всем другим доктрину Платона, затем – стоическую. Средневековые освоило теории Фомы Аквинского и арабов; восемнадцатый век усердно штудировал теории душевных волнений Декарта и Спинозы. Все дело в том, что в прошлом не было ни одного великого философа, который не считал бы себя обязанным предложить собственную доктрину. В новейшее же время не предпринято ни одной выдающейся попытки систематизации чувств. И лишь недавние труды Пфендера и Шелера достойно продолжают тему. Между тем наш духовный мир становится все сложнее, а эмоциональные переживания – острее.

Поэтому-то мы не можем уже довольствоваться этими старыми теориями аффектов. К примеру, то определение любви, впитавшее древнегреческую традицию, которое мы находим у Фомы Аквинского, очевиднейшим образом ошибочно. Согласно ему, любовь и ненависть – два проявления желания, влечения, стремления к чему-то. Любовь – это стремление к чему-то хорошему, к хорошему в нем – *concupiscibile circa bonum*; ненависть, или антистремление, – это неприятие чего-то злого, именно злого в нем – *concupiscibile circa malum*. Мы видим здесь смешение влечения и желания с чувствами и эмоциями, которым грешила вся старая психология вплоть до XVIII столетия...

Это и есть одно из существеннейших отличий, которое надлежит осмыслить, чтобы от нас не ускользнуло то, в чем заключается своеобразие любви и ее сущность. Наш душевный мир особенно щедр на любовные порывы; не будет преувеличением даже счесть их символом щедрости как таковой. К любви восходит многое из того, что присуще человеку: желания, мысли, волевые акты, поступки – все это, порождаемое любовью, как урожай семенами, самой любовью не является, однако подтверждает ее существование. Бесспорно, что так или иначе нас влечет то, что мы любим; однако столь же очевидно, что нас влечет и то, чего мы не любим, что не затрагивает наших чувств. Хорошее вино влечет нас, но любви не вызывает; наркомана влечет наркотик и в то же время вызывает отвращение связанными с ним опасными последствиями.

Но есть еще одна, более веская и тонкая причина разграничивать любовь и желание. Собственно говоря, желать чего-либо – это значит стремиться обладать им, причем под обладанием так или иначе понимается включение объекта в нашу жизненную сферу и превращение малопомалу в часть нас самих.

Именно поэтому желание умирает тотчас после того, как удовлетворено; обладание для него смерть. Напротив, любовь – это вечная неудовлетворенность. Желание пассивно, и желаю я, в сущности, одного – чтобы объект желания устремился ко мне. Я живу в надежде на притяжение ко мне всего сущего. И, наоборот, в любви, как мы еще убедимся, все проникнуто активным началом. Вместо того чтобы объект приближался ко мне, именно я стремлюсь к объекту и пребываю в нем. В любовном порыве человек вырывается за пределы своего «я»: быть может, это лучшее, что придумала Природа, чтобы все мы имели возможность в преодолении себя двигаться к чему-то иному. Не оно влекомо ко мне, а я к нему.

Августину Блаженному, одному из тех людей, раздумья которых о любви отличались особой глубиной, по своему душевному складу, быть может, наделенному наивысшей силой любви, подчас удавалось преодолевать понимание любви как желания и влечения. В минуту вдохновения он сказал: «*Amor meus, pondus meum; illo feror, quocumque feror*» – «Любовь моя, бремя мое; влекомый им, я иду повсюду, где я иду». Любовь – это притяжение к любимому.

Спиноза попытался избежать ошибки и, оставив в стороне влечения, искал любовным порывам и ненависти эмоциональное объяснение; согласно ему, любовь – это радость познания предмета любви. Любовь к чему-то или к кому-то – это якобы не более чем радость и одновременно сознание, что рады мы благодаря этому чему-то или кому-то. И снова перед нами смешение любви с ее возможными последствиями. Разве кто-нибудь сомневается, что предмет любви может принести радость любящему? Однако столь же верно, что любовь бывает печальной, как смерть, безысходная смертная мука. Более того, истинная любовь лучше познает саму себя и, если угодно, свою цену и свои масштабы в страдании и мучениях, которые она приносит. Влюбленной женщине огорчения, причиняемые ей любимым, дороже бесстрастного прозябания...

Спиноза ошибался: любовь и радость не одно и то же. Тот, кто любит родину, способен отдать за нее жизнь, и верующий идет на мученическую смерть. И наоборот, ненависть и злоба нередко находят удовлетворение в самих себе и хмелеют от радости при виде беды, обрушившейся на ненавистного человека.

Учитывая, что эти известные определения полностью нас не удовлетворяют, думаю, стоит попытаться проанализировать чувство любви столь же непосредственно и скрупулезно, как это делает энтомолог с пойманным в лесу насекомым. Надеюсь, что читатели любят или любили кого-то либо что-то и способны ныне взять свои ощущения за трепетные крылышки и устремить на них неторопливый внутренний взор. Я перечислю основные, самые общие признаки этой жужжащей пчелы, которая умеет собирать мед и жалить. Читатели сами решат, насколько мои выкладки соответствуют тому, что они познали, вглядываясь в себя.

Для начала согласимся, что у любви действительно много общего с желанием, поскольку его объект – предмет или человек – действует на него возбуждающе. Волнение, которым охвачен объект, передается душе. Таким образом, это волнение по сути своей центростремительно: оно направлено от объекта к нам. Что же касается чувства любви, то возбуждение предшествует ему. Из ранки, нанесенной нам стрелой волнения, пробивается любовь, которую неудержимо влечет к объекту: а значит, движется она в обратном по сравнению с возбуждением и любым желанием направлении. Путь ее – от любящего к любимому, от «меня» к другому, то есть центробежен. В этом – в постоянном душевном порыве, в движении к объекту, от моего «я» к сокровенной сути ближнего – любовь и ненависть сходятся. Ниже речь пойдет о том, в чем они отличаются. При этом не нужно думать, что в нашем стремлении к предмету любви мы добиваемся лишь близости и совместной в бытовом плане жизни. Все эти проявления как следствия любви и в самом деле порождены ею, однако для выяснения ее сути не представляют особого интереса, и посему в ходе нашего анализа мы будем полностью их игнорировать. Мои размыш-

ления касаются чувства любви в его душевной сокровенности как явления внутренней жизни.

Любящий Господа устремляется к нему не телом, а все же любить его – значит стремиться к нему. В любви мы забываем о душевном покое, теряем рассудок и все свои помыслы сосредоточиваем на любимом. Постоянство помыслов и есть любовь.

Дело в том – отметим это, – что мыслительный и волевой акты мгновенны.

Мы можем замешкаться на подступах к ним, но сами-то они промедлений не терпят: все происходит в мгновение ока; они молниеносны. Если уж я понимаю фразу, то я понимаю ее сразу, в один миг. Что же касается любви, то она длится во времени. Любят не вереницей внезапных озарений, которые вспыхивают и гаснут, как искры в генераторе переменного тока; любимое любят непрерывно.

Этим определяется еще одна особенность анализируемого нами чувства: любовь струится как родник одухотворенного вещества, как непрерывно бьющий ключ.

Употребив метафору, на которые столь щедро интуиция и которые столь близки природе интересующего нас явления, можно сказать, что любовь не выстрел, а непрерывная эманация, духовное излучение, исходящее от любящего и направленное к любимому. Течение, а не удар...

Любовь и ненависть одинаково центробежны, в мыслях они движутся к объекту, наконец, они текучи и непрерывны, – таковы три общие для них приметы или черты.

Теперь можно определить и коренное отличие между любовью и ненавистью.

Устремленность у них общая, коль скоро они центробежны и человек в них стремится к объекту; при этом они проникнуты противоположным смыслом, преследуют различные цели. В ненависти стремятся к объекту, но стремятся ему во зло; и смысл ее разрушителен. В любви также стремятся к объекту, но ему во благо.

Размышление и желание лишены того, что можно назвать душевным жаром, в одинаковой степени присущим любви и ненависти. В отличие от раздумий над математической задачей от любви и ненависти исходит тепло, они пылают, более того, накал их бывает различным. Не случайно в быту весьма метко об одном говорят, что он, влюбившись, охладел, а другой жалуется, что возлюбленная холодна и бесчувственна. Эти рассуждения о теплоте чувств невольно приоткрывают завесу над любопытнейшими сферами психологических закономерностей. Мы могли бы обратиться к отдельным аспектам всемирной истории, если не ошибаюсь, обойденным до сих пор вниманием в области этики и искусства. Речь могла бы идти о неодинаковом накале различных великих цивилизаций и культурных эпох – о холоде Древней Греции, Китая или XVIII столетия,

о жаре средневековья или романтизма и т. д. Речь могла бы идти о роли в человеческих взаимоотношениях различной для разных людей степени их душевного горения: первое, что ощущают при встрече два человека, – это присущий каждому из них эмоциональный накал. Наконец, мы могли бы обратить внимание, что теплотой в той или иной степени характеризуются различные художественные, в частности литературные, стили. Однако было бы опрометчиво мимоходом затрагивать столь обширную тему.

Не удастся ли нам приблизиться к пониманию этой теплоты, присущей любви и ненависти, если в поле нашего зрения попадет также объект? Как воздействует на него любовь? Издалека или вблизи, чем бы ни был предмет любви – женщиной или ребенком, искусством или наукой, родиной или Богом, – любовь печется о нем. Желание упивается тем, что ему желанно, удовлетворяется им, но не одаряет, ничем не жертвует, ничем не поступается.

У любви же и ненависти нет ни минуты покоя. Первая погружает объект, на каком бы расстоянии он ни находился, в благоприятную атмосферу ласки, нежности, довольства – одним словом, блаженства. Ненависть погружает его с не меньшим пылом в атмосферу неблагоприятную, вредит ему, обрушивается на него как знойный сирокко, мало-помалу разъедает его и разрушает. Вовсе не обязательно, как я уже говорил, чтобы это происходило в действительности; речь идет о намерении, которым проникнута ненависть, том ирреальном деянии, которое лежит в основе самого чувства. Итак, любовь обволакивает предмет любви теплотой и довольством, а ненависть сочится едкой злобой.

Эти противоположные намерения в их действиях дают о себе знать и иным образом. В любви мы как бы сливаемся с объектом. Что означает это слияние?

По существу, это слияние не в телесном смысле, да и вообще не близость. К примеру, наш друг – определяя качества, присущие любви, не забудем и дружбу – живет вдали от нас и мы ничего о нем не знаем. Тем не менее мы с ним связаны незримой нитью – наша душа в, казалось бы, всеобъемлющем порыве преодолевает расстояния, и, где бы он ни был, мы чувствуем, что сокровенным образом соединились с ним. Нечто подобное происходит, когда мы в трудную минуту говорим кому-нибудь: можете рассчитывать на меня – я целиком в вашем распоряжении; иными словами, ваши интересы для меня превыше всего, располагайте мною как самим собой.

И наоборот, ненависть, несмотря на свою неизменную направленность к предмету ненависти, отдаляет нас от объекта в том же символическом смысле – она, разверзнув между нами пропасть, делает его для нас недостижимым. Любовь – это сердца, бьющиеся рядом, это согласие; ненависть – это разногласие, метафизическая распря, абсолютная несовместимость с предметом ненависти.

Теперь мы имеем некоторое представление о том, в чем заключается эта активность, эта ревностность, которую мы, смею думать, выявили в любви и ненависти и которая отсутствует в пассивных эмоциях, таких как радость или грусть. Не зря говорят: быть радостным, быть грустным. Это и в самом деле не более чем состояние, а не деятельность, не радение. Грустный, будучи грустным, пребывает в бездействии, равно как и веселый – будучи веселым.

Любовь же в мыслях достигает объекта и принимается за свое незримое, но святое и самое жизнеутверждающее из всех возможных дело – утверждает существование объекта. Поразмыслите над тем, что значит любить искусство или родину: это значит ни на одно мгновение не сомневаться в их праве на существование; это значит осознавать и ежесекундно подтверждать их право на существование. Не так, впрочем, как это делает судья, знающий законы, приговоры которого поэтому беспристрастны, а так, чтобы оправдательный приговор был одновременно и поиском и итогом. И наоборот, ненавидеть – это значит в мыслях убивать предмет нашей любви, истреблять его в своих помыслах, оспаривать его право на место под солнцем. Ненавидеть кого-либо – значит приходить в ярость от самого факта его существования. Приемлемо лишь исчезновение его с лица земли.

Думаю, что у любви и ненависти нет признака более существенного, чем только что отмеченный. Любить, что бы то ни было – значит упорно настаивать на его существовании; отвергать такое устройство мира, при котором этого объекта могло бы не быть. Заметьте, однако, что это, по существу, то же самое, что непрерывно вдыхать в него жизнь, насколько это доступно человеку – в помыслах. Любовь – это извечное дарение жизни, сотворение и пестование в душе предмета любви. Ненависть – это истребление, убийство в помыслах; к тому же, в отличие от убийства, совершаемого один раз, ненавидеть – значит убивать непрерывно, стирая с лица земли того, кого мы ненавидим.

Если на этой высокой ноте обобщить те особенности, которые нами выявлены, то мы придем к выводу, что любовь – это центробежный порыв души, которая непрерывным потоком устремляется к объекту и обволакивает его теплотой и довольством, превращая нас с ним в единое целое и утверждая бесспорность его существования...

ЛЮБОВЬ У СТЕНДАЛЯ I (ПРИДУМАННАЯ ЛЮБОВЬ)

В голове Стендаля рождалось много теорий, однако теоретиком он не был ни в коей мере. <...> У философа не бывает больше одной. И в этом – коренное отличие между истинно теоретическим темпераментом и тем, который его лишь отдаленно напоминает.

Теоретик выстраивает систему, побуждаемый к этому неодолимым стремлением адекватно передавать реальность. А это обязывает его быть в высшей степени осмотрительным и, среди прочего, поддерживать в строгом и стройном единстве преизбыток своих идей. Поскольку действительность ошеломляюще едина. Какой ужас испытал Парменид, осознав это! Между тем наши мысли и чувства отрывисты, противоречивы и многообразны. <...>

Трактат «De l'amour» – одна из самых читаемых книг. Представьте, что вы входите в будуар маркизы, актрисы или же просто светской дамы. Осматриваетесь в ожидании хозяйки. Первыми, конечно, внимание привлекают картины (и почему это на стенах непременно должны висеть картины?). И почти всегда – ощущение прихотливости, оставляемое живописным полотном. В данном случае картина такова; однако она с успехом могла быть и совсем иной. Нам так не хватает того щемящего волнения, которое охватывает при встрече с чем-то предугаданным. А потом взгляд скользнет по мебели, по книгам, лежащим тут и там. Задержится на обложке – и что же на ней? «De l'amour». Полагая, что им надлежит разбираться в любви, маркиза, актриса и светская дама обзаводились источником просвещения, подобно человеку, который вместе с автомобилем покупает и руководство по двигателям внутреннего сгорания.

Книга читается с упоением. Стендаль всегда повествует, даже когда он рассуждает, обосновывает и теоретизирует. На мой взгляд, он – лучший из всех рассказчиков, архирассказчик перед лицом Всевышнего. Однако достоверна ли его теория любви как кристаллизации? Почему никто не посвятил ей серьезного исследования? О ней судачили, но никто не подверг ее тому анализу, какого она заслуживала.

Неужели она того не стоила? В сущности говоря, любовь, согласно этой теории, не что иное, как порождение фантазии. Не в том дело, что в любви свойственно ошибаться, а в том, что по природе своей она сама есть заблуждение. Мы влюбляемся, когда наше воображение наделяет кого-либо не присущими ему достоинствами. Впоследствии дурман рассеивается, а вместе с ним умирает любовь. Это еще определеннее, чем объявить по обыкновению любовь слепой. Для Стендаля она больше чем слепая – придуманная. Она не только не видит реальности – она ее подменяет.

Достаточно приглядеться к этой доктрине сегодня, чтобы уяснить время и место ее создания: это типичное порождение европейского XIX столетия. Она отмечена двумя его характернейшими особенностями – пессимизмом и позитивизмом. Теория «кристаллизации» идеалистична, поскольку во внешнем объекте, на котором сосредоточены наши помыслы, она видит всего лишь проекцию субъекта. <...> До XIX века этот идеализм был преимущественно радостным. Мир, который проецирует субъект, по своему реален, доподлиннен и значителен. Между тем теория «кристаллизации» пессимистична. Цель ее – доказать, что естественные, по нашему

убеждению, душевные порывы не что иное, как особые, из ряда вон выходящие явления. Так, Тэн пытается убедить нас, что нормальное восприятие – всего лишь освященное временем коллективное заблуждение. И это типично для теоретической мысли минувшего столетия. Нормальное познается через аномальное, возвышенное – через низменное. Достойна удивления потребность доказать, что Мироздание – абсолютное *quid pro quo*, самодовлеющая глупость. Моралист пытается убедить вас в том, что альтруизм – это затаенный эгоизм. Дарвин методично опишет ту деятельность по упорядочиванию жизни, которую проводит смерть, и увидит основу жизни в борьбе за существование. Карл Маркс сходным образом представит классовую борьбу как движущую силу истории.

Между тем истина настолько далека от этого непреклонного пессимизма, что ей удается подчас укорениться и в нем самом, хотя мрачный мыслитель об этом и не подозревает. Пример тому – теория «кристаллизации». Из нее в конечном счете следует, что человек любит только то, что достойно его любви. Однако, не найдя ничего подобного в действительности, он прибегает к своей фантазии. Именно выдуманное достоинства и порождает любовь. <...>

Заклученная в любви доля обмана очевиднейшим образом преувеличивается. Заметив, что подчас качества любимого человека в действительности совсем иные, нам надо спросить себя, не является ли вымышленной сама любовь. Психология любви должна весьма недоверчиво относиться именно к подлинности исследуемого чувства. <...> Истинной, по Стендалю, является только «любовь-страсть». Думается, что и это понятие слишком широко. «Любовь-страсть» также поддается дальнейшей дифференциации. Причина ложной любви не только в тщеславии или в *gout*. Есть и иной источник подлога, более непосредственный и исконный. Любовь – это эмоциональная деятельность, снискавшая наибольшую хвалу. Поэты испокон веков украшали ее и прихорашивали своими косметическими средствами, наделяя при этом странной, беспредметной реальностью, отчего, еще не испытав, мы ее уже знаем, о ней размышляем и готовы ей себя посвятить, как какому-либо виду искусства или ремеслу. <...>

Стендаль – один из тех, кто любит любить. <...> Он влюбляется, чтобы не чувствовать одиночества; впрочем, по правде говоря, его любовные отношения на три четверти – плод его собственной фантазии.

Есть два типа теорий любви. Один из них составляют расхожие представления, общеизвестные истины, не вытекающие из реальности привлекаемого в доказательство материала. Другой включает более глубокие взгляды, основывающиеся на личном опыте. В наших умозаключениях о любви проглядывают контуры любовных отношений каждого из нас.

Случай Стендаля абсолютно ясен. Речь идет о человеке, который не только никогда по-настоящему не любил, но которого также никогда и не

любили. Его жизнь была заполнена псевдолюбовью. Между тем псевдолюбовь оставляет в душе только горький осадок подлога, воспоминание о том, как она испарилась. Если взглянуть в стэндалевскую теорию и проанализировать ее, то окажется, что все в ней поставлено с ног на голову; кульминационная фаза любви представлена здесь как ее финал. Как объяснить то обстоятельство, что любовь умирает, хотя ее объект остается все тем же? Следовало хотя бы предположить, – как это сделал Кант в теории познания, – что не объект наших любовных чувств управляет ими, а, как раз наоборот, наша взбудораженная фантазия созидает объект. Любовь, умирает, если она родилась по недоразумению.

Эмоциональный опыт Шатобриана привел его к прямо противоположным выводам. Вот человек, неспособный на большое чувство, который был наделен даром вызывать истинную любовь. Немало женщин встретил он на своем пути, и все они сразу и навсегда были охвачены любовью. *Сразу и навсегда*. Шатобриан, пожалуй, был обречен на создание доктрины, согласно которой истинная любовь бессмертна и рождается в мгновение ока.

II (СРАЗУ И НАВСЕГДА)

Сопоставление любовных историй Шатобриана и Стендаля с психологической точки зрения в высшей степени продуктивно и поучительно для тех, кто легковесно рассуждает об образе Дон Жуана. Вот два человека, наделенные огромной творческой силой. Никто не назовет их волокитами – нелепый образ, к которому был сведен тип Дон Жуана в представлениях примитивных и недалеких людей. И тем не менее оба они щедро тратили душевную энергию на то, чтобы кого-то полюбить. Вполне понятно, что им это не удавалось. Видимо, самозабвенное упоение любовью не для возвышенных душ. Тем не менее они упорно к этому стремились и почти всегда проникались убеждением в своей влюбленности. Любовные истории значили для них неизмеримо больше, чем творчество. Любопытно, что только творчески бесплодные люди убеждены, что к науке, искусству или политике следует относиться серьезно, а любовные истории презирать, как нечто низменное и пустое. <...>

Стендаль сорок лет посвятил разрушению бастионов женского пола. Он выпестовал целую стратегическую программу с первопричинами и отдаленными следствиями. Отступая, он снова шел вперед, упорствовал и отчаивался, упрямо преследуя цель. А результат равен нулю. Стендаль не снискал любви ни одной женщины. И это не должно особенно удивлять. Такова участь большинства мужчин. Хотя часто, скрадывая горечь неудач, сплошь и рядом за большую любовь склонны принимать весьма пресную женскую преданность и покорность, результат многих и многих усилий. Схожее происходит и в области эстетических впечатлений. Мало

кто из живших на свете людей знает подлинную радость от встречи с искусством. И потому готовы видеть ее в той дрожи, которая охватывает нас во время вальса, или интересе к интриге, возбуждаемом чтивом. <...>

Стендаль полагает – в соответствии со своим опытом, – что любовь «создается» и умирает. И то и другое свойственно псевдолюбви.

Для Шатобриана же, наоборот, любовь – это некая «данность». Ему не приходится прилагать усилий. Стоит женщине познакомиться с ним, как она сразу оказывается во власти некой таинственной электризующей силы. Она отдается безоговорочно и всецело. Почему? Вот загадка, которую должны были бы разгадать исследователи донжуанства. Шатобриан некрасив. Невысокий и сутулый. Вечно раздраженный, мнительный и замкнутый. Его привязанность к любящей его женщине длилась восемь дней. Между тем женщина, испытывавшая страсть в двадцать лет, до восьмидесяти хранила любовь к «гению», хотя ей не суждено было больше его видеть. Тому есть немало доказательств.

Один из многих примеров: маркиза де Кюстин, «самые роскошные волосы» Франции. Она принадлежала к одной из знатнейших семей и отличалась редкой красотой. Во время революции ей, почти ребенку, грозит гильотина. Ее спасает любовь, вспыхнувшая в некоем сапожнике, члене Трибунала. Она эмигрирует в Англию. Время возвращения на родину совпадает с публикацией «Аталы» Шатобриана. Она знакомится с автором, и тотчас ее охватывает безумная любовь. Следуя прихоти Шатобриана, известного своими причудами, она должна была купить замок Фервак, старую родовую усадьбу, в которой Генрих IV провел одну ночь. Маркиза, кое-как поправив свои дела, расстроенные за годы эмиграции, собирает необходимую сумму и покупает замок. Однако Шатобриан не торопится ее навещать. В конце концов он проводит там несколько дней – часы, исполненные блаженства для этой охваченной страстью женщины.

Счастливые часы проходят быстро и невосвратно. Шатобриан уезжает, чтобы больше, в сущности, и не возвращаться: его влекут новые острова любви. Проходят месяцы, годы. Маркиза де Кюстин близка к семидесяти. Она показывает замок некоему посетителю. Оказавшись в комнате с огромным камином, тот спрашивает: «Так вот оно, то место, где Шатобриан был у ваших ног?» Она же, вспыхнув, изумившись и даже как будто оскорбившись, в ответ: «Да что вы, сударь, что вы, нет: я – у ног Шатобриана!»

Эта разновидность любви, при которой человек раз и навсегда растворяется в другом человеке, Стендалю была неизвестна. Поэтому он был убежден, что любовь всегда со временем убывает, хотя в действительности все обстоит как раз наоборот. Истинная любовь, рожденная в сокровенных глубинах человека, по-видимому, не может умереть. Она навсегда остается в чувствительной душе. Обстоятельства – к примеру разлука – могут лишить ее питательной среды; и тогда эта любовь будет чахнуть

и превратится в трепещущую ниточку, в едва ощутимо бьющийся в подсознании ключ сердечной привязанности. И все же она не умрет. Ее эмоциональный состав не изменится. Благодаря этой неизменной основе человек, который любил, будет и впредь чувствовать себя связанным нерасторжимыми узами с возлюбленной. Судьба может развести его с любимой, изменив его положение в физическом или социальном пространстве. Что с того – любовь остается в нем. Таков высший, наивернейший признак подлинной любви: как бы находиться рядом с любимым, быть в общении более тесном, близости более сокровенной, чем пространственные. Это значит пребывать в истинно жизненном контакте.

Есть и более точное слово, хотя и несколько специальное, научное: быть онтологически вместе с любимым, верным его изменчивой судьбе. Женщина, любящая преступника, где бы она ни находилась, душою будет с ним в тюрьме.

III (ЛЮБОВЬ К СОВЕРШЕНСТВУ)

Широко известна метафора, которая позволила Стендалю определить свою теорию любви словом «кристаллизация». Если в соляные копи Зальцбурга бросить веточку и вытащить ее на следующий день, то она оказывается преображенной. Скромная частица растительного мира покрывается ослепительными кристаллами, вязь которых придает ей дивную красоту. Согласно Стендалю, в душе, наделенной даром любви, происходят сходные процессы. Реальный облик женщины, запав в душу мужчины, мало-помалу преобразуется вязью наслаиваемых фантазий, которые наделяют бесцветный образ всей полнотой совершенства.

Эта известная теория всегда казалась мне в высшей степени ложной. Пожалуй, единственно продуктивным в ней является вывод (пусть даже скорее угадываемый, чем сформулированный), что любовь в известном смысле – это стремление к совершенству. Исходя из этого, Стендаль вынужден допустить, что совершенства – плод нашего воображения. Однако специально он на этом не останавливается, поскольку для него это – самоочевидная вещь, занимающая в его теории весьма скромное место; он ни в коей мере не ощущает, что речь идет о самой значительной, самой глубокой, самой загадочной особенности любви. Теорию «кристаллизации» волнуют главным образом причины разочарований в любви, утраты иллюзий; то есть почему охладевают, а не почему влюбляются <...>

Пора отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Никем отчетливо не осознавалось – пожалуй, лишь за исключением Шелера – различие между «любовной страстью» и «любовным инстинктом», отчего под первой, как правило, подразумевается второе. Бесспорно, в человеке почти всегда инстинкты переплетены с внеинстинктивными проявлениями душевного и даже духовного свойства. С инстинктом в чистом виде

мы встречаемся в редчайших случаях. Распространенное представление о «плотской любви», на мой взгляд, не вполне обоснованно. Испытывать исключительно физическое влечение трудно, и не часто это встречается. Как правило, чувственности сопутствуют и сочетаются с ней проявления эмоционального подъема, восхищение телесной красотой, симпатия и т.д. Тем не менее случаев абсолютно чувственного, инстинктивного влечения более чем достаточно, чтобы отличать его от «любовно́й страсти». Отличие оказывается особенно явственным в двух крайних ситуациях: когда плотское влечение подавляется доводами морали или обстоятельствами или когда, наоборот, переизбыток его вырождается в сладострастие. Ясно, что в обоих случаях, в отличие от любви, крайняя похоть – точнее, даже бескрайняя похоть – существует независимо от объекта. Влечение томит до появления человека или ситуации, способных его удовлетворить. В результате ему безразлично, кто именно послужит удовлетворению. Инстинкт не знает предпочтений, когда он не более чем инстинкт. Поэтому он и не является порывом к совершенству.

Если любовный инстинкт и гарантирует сохранение рода, то он не обеспечивает его совершенствование. И наоборот, истинная любовная страсть, восхищение другим человеком, его душой и телом, в нерасторжимом единстве, испокон веков не могла не быть великой силой, способствующей совершенствованию рода человеческого. Вместо того чтобы существовать независимо от объекта, она неизменно получает жизненный импульс от возникающего на нашем пути человека, отличающегося некими выдающимися достоинствами, способными вызвать сердечный порыв.

Стоит только его ощутить, как любящий испытывает необъяснимую потребность растворить свою личность в личности другого человека и, наоборот, вобрать в свою личность личность любимого. Загадочное стремление! В то время как в остальных жизненных проявлениях для нас нет ничего более неприятного, чем вторжение другого в наше индивидуальное бытие, отрада любви состоит в том, чтобы почувствовать себя в метафизическом смысле способным впитать как губка чужую личность в такой степени, чтобы лишь в единстве, являя «личность в двух лицах», находить удовлетворение. Это напоминает доктрину сенсимонистов, согласно которой реальная человеческая особь представляет собой мужчину и женщину одновременно. Впрочем, в этой доктрине никак не отражена неодолимая потребность в слиянии. Когда любовь неподдельна, она претворяется в более или менее осознанное желание видеть в ребенке некий символ и вместе с тем реальное воплощение достоинств любимого. Это третье звено, берущее начало в любви, по-видимому, отражает во всей изначальной чистоте ее суть. Ребенок – это и не отец и не мать, а их персонифицированное единство и безграничное стремление к совершенству, ставшее физической и духовной реальностью. Наивный Платон был прав: любовь – это вечная страсть порождать себя в прекрасном. <...>

IV (РАЗНООБРАЗИЕ ЛЮБВИ)

Нельзя отрицать, что теория «кристаллизации» на первый взгляд содержит в себе одну бесспорную истину. Действительно, в сфере любовных дел у нас сплошь и рядом открываются глаза на собственные ошибки. Мы наделили любимого человека отсутствующими у него достоинствами и совершенствами. Не признать ли в таком случае правоту Стендаля? Пожалуй, не стоит. Случается, что один только переизбыток правоты не позволяет быть правым. Было бы более чем странно, если, ошибаясь на каждом шагу во взаимоотношениях с реальностью, в любви мы оказались бы абсолютно прозорливыми. Мы то и дело усматриваем иллюзорные свойства у вещей вполне реальных. Для человека видеть что бы то ни было, а особенно оценивать – значит непременно дополнять его. <...>

Итак, то, что кажется верным в теории «кристаллизации», является лишь частным проявлением общей закономерности. В известном смысле вся наша духовная жизнь – это кристаллизация. А значит, данная особенность любви – явление общего порядка. В конце концов, можно было бы допустить, что во время влюбленности процесс «кристаллизации» значительно усиливается. Но подобное предположение в корне ошибочно, и уж во всяком случае, ложно стэндалевское понимание. Представления влюбленного не более иллюзорны, чем наше мнение о политике, артисте, бизнесмене и т. д. Судя по всему, люди в вопросах любви столь же недалеки или прозорливы, как и вообще в своих суждениях о ближнем. Почти все мы близоруки в своей оценке людей – самого сложного и тонкого явления в мире.

Чтобы покончить с теорией «кристаллизации», достаточно вспомнить те случаи, в которых она очевиднейшим образом отсутствует: это наиболее распространенные случаи любви, когда оба любящих не теряют рассудка и, насколько это возможно, не впадают в ошибку. Теории любовных влечений следовало бы начать с прояснения наиболее типичных форм, вместо того чтобы с самого начала сосредоточиваться на исключительном в исследуемом явлении. Дело в том, что подчас, вместо того чтобы искать женщину, наделенную некими дорогами его сердцу достоинствами, мужчина вдруг обнаруживает в какой-нибудь женщине свойства, о которых он до сих пор и не подозревал. Заметьте, что речь идет исключительно о женских свойствах. Как могут они, столь непредсказуемые, быть плодом воображения мужчины? И наоборот, как могут быть мужские достоинства плодом воображения женщины? Доля истины, заключающаяся в самом факте предчувствий и как бы выдумывании достоинств, еще не обнаруженных в реальности, не имеет ничего общего с идеей Стендаля. Мы еще остановимся на этом скрытом от глаз аспекте.

Прежде всего, в наблюдении, лежащем в основе этой теории, допущена грубейшая ошибка. Предполагается, судя по всему, что состояние

влюбленности сопряжено со сверхактивностью сознания. Стендалевская кристаллизация сопровождается всплеском душевной энергии, обогащением внутреннего мира. Между тем следует признать, что влюбленность – это состояние душевного убожества, при котором наша внутренняя жизнь скудеет, нищает и парализуется.

Я сказал «влюбленность». Во избежание трюизмов, избыливающих в рассуждениях о любви, необходимо внести известную ясность в употребление терминов. Словом «любовь», столь простым и коротким, покрывается масса значений, настолько различных, что впору отказаться видеть в них что-либо общее. Мы говорим о «любви к женщине»; но также и о «любви к Богу», «любви к родине», «любви к искусству», «сыновней любви» и т.д. Одно и то же слово опекает и окликает столь многоликий и беспокойный мир.

Можно оспаривать употребление слова, если за ним стоят понятия, не связанные между собой, коренным образом лишенные общей для них основы. Так, слово «лев», употребляемое для обозначения царя зверей, является одновременно именем римских пап и названием испанского города. По воле случая одна фонема обременена различными значениями, которые отсылают нас к различным характеризваемым ими объектам. Лингвисты и логики говорят в подобных случаях о «полисемии», поскольку слово имеет множество значений.

Имеем ли мы дело с одним и тем же явлением, когда слово «любовь» встречается нам в приведенных выше выражениях? Есть ли какая-то органичная связь между «любовью к науке» и «любовью к женщине»? Сопоставив оба душевных состояния, мы обнаруживаем, что почти во всем они отличаются. Однако же есть одна общая для них особенность, которую позволяет выявить детальный анализ. Сосредоточив внимание только на ней, абстрагировавшись от остальных свойств, присутствующих в обоих душевных состояниях, можно было бы определить, что же, собственно говоря, надо понимать под «любовью». В свойственной нам ложной манере раздвигать границы частного явления мы определяем этим словом соответствующее состояние души как таковое, в то время как оно является следствием целого ряда факторов, а не только «любви» и даже не только переживаний.

К сожалению, последние сто лет психология не воспринималась как часть культуры, а усилия психологов сводились, как правило, к разглядыванию в увеличительное стекло, используемое и поныне для изучения человеческой психики.

Любовь – ... это самодостаточная эмоциональная деятельность, направленная на любой объект, одушевленный или неодушевленный. Будучи «эмоциональной» деятельностью, она, с одной стороны, отличается от функций интеллекта – осознавать, внимать, размышлять, вспоминать, воображать, а с другой – от желания, с которым ее сплошь и рядом путают.

Испытывая жажду, хотят выпить воды, однако ее при этом не любят. Любовь, бесспорно, порождает желания, однако сама по себе любовь и желание не одно и то же. Мы хотим жить на родине и желаем ей процветания, «потому что» ее любим. Наша любовь предшествует этим желаниям, прорастающим из нее, как ростки из семени.

Будучи эмоциональной «деятельностью», любовь отличается от пассивных чувств, таких как радость или грусть. Последние напоминают краски, которыми расцвечивается наша душа. Грусть и радость – «состояния», и пребывают в них в полной прострации. Радость сама по себе бездеятельна, однако она может служить причиной действий. Между тем любовь не просто «состояние», но деятельность в направлении любимого. Я имею в виду не порывы тела и духа, вызываемые любовью, а то, что в самой природе любви заложена потребность человека преодолевать границы своего «я» в стремлении к тому, что он любит. И за тридцать земель от объекта, не помышляя о нем и о встрече с ним, если только мы любим, мы будем обволакивать его на расстоянии теплым, жизнетворящим потоком. Со всей определенностью это докажет сравнение любви с ненавистью. Ненависть к кому-либо или чему-либо не пассивное «состояние», как состояние грусти, а некое действие, жуткое отрицающее действие, разрушающее в воображении объект ненависти. Признание факта существования специфической эмоциональной деятельности, отличной от любой иной деятельности нашего тела или нашей души, будь то интеллектуальная, чувственная или же волевая, представляется мне чрезвычайно важным для подлинной психологии любви. Касаясь этого вопроса, как правило, ограничиваются описанием результатов. Крайне редко в ходе анализа цепко ухватывается сама любовь в ее своеобразии и отличиях от других психологических явлений.

Теперь не кажется уже столь неприемлемым предположение, что между «любовью к науке» и «любовью к женщине» есть нечто общее. Эта эмоциональная деятельность, этот наш теплый, жизнетворящий интерес к некому явлению может с равным успехом быть обращен к женщине, участку земли (родине) или роду человеческой деятельности – спорту, науке и т.д. Стоит также добавить, что, вне всякого сомнения, в «любви к науке» или в «любви к женщине» все, что не относится к собственно эмоциональной деятельности, непосредственно с любовью не связано.

В очень многих «любовных историях» истинная любовь почти отсутствует. Есть желание, любопытство, настойчивость, одержимость, непритворный обман чувств, но не этот жар утверждения существования другого, каким бы ни было его отношение к нам. Что же касается «любовных историй», то не стоит забывать, что они включают в себя кроме любви *sensu stricto* немало иных элементов.

В широком смысле слова мы привыкли называть любовью «влюбленность» – чрезвычайно сложное душевное состояние, в котором, собственно

говоря, любовь играет второстепенную роль. Именно ее имеет в виду Стендаль, расширительно назвавший свою книгу – «О любви», продемонстрировав тем самым ограниченность своего философского кругозора.

Итак, эта «влюбленность», которую теория «кристаллизации» представляет как душевную сверхактивность, на мой взгляд, является скорее оскудением и частичным параличом жизни нашего сознания. Подчиняясь ей, мы кое-что утрачиваем по сравнению с обычным состоянием, а не приобретаем. Это вынуждает нас обрисовать в самых общих чертах психологию сердечного порыва.

(Хосе Ортега-и Гассет. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 350–376).

Вопросы к тексту

1. В чем, согласно мнению Ортеги, различаются «любовь» и «желание», «любовь» и «ненависть»?
2. Какова сущность теории «кристаллизации»?
3. В чем проявляется различие в понимании любви у Стендаля и Шатобриана?
4. В чем заключается различие между любовью к женщине и любовью к науке?
5. Почему стоит отличать любовь и желание? Как соотносятся эти чувства?
6. Как Вы понимаете высказывание Августина Блаженного о любви? Согласны ли Вы с таким определением?
7. Сравните подходы Августина и Спинозы к проблеме.
8. Как автор соотносит любовь и ненависть?
9. Как можно определить сущность любви?

БЕРДЯЕВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Николай Александрович Бердяев – русский философ, публицист, родился 18 марта (по старому стилю 6 марта) 1874 г. в Киеве. Из старинного дворянского рода. Первая книга Николая Бердяева («Субъективизм и индивидуализм в общественной философии») вышла из печати в 1900 г. В 1900–1902 гг. Бердяев был сослан в Вологду, затем в Житомир; в этот же период отошел от марксистских взглядов и постепенно стал приверженцем христианского «мистического реализма».

С 1904 г. Бердяев жил в Петербурге. В 1904–1905 гг. принимал участие в редактировании религиозно-философских журналов «Новый Путь» и «Вопросы Жизни». В 1908 г. поселился в Москве (жил до момента высылки из Советской России), где сблизился с кругом основателей «Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева».

Октябрьскую революцию первоначально рассматривал как несущественный эпизод. Являлся одним из основателей Всероссийского союза

писателей; союз организовал библиотеку для молодежи, а затем Лавку писателей, где Бердяев работал продавцом. Являлся лидером небольшевистской общественности. Преподавал этику слова в Государственном институте слова. В 1922 г. Бердяев был выслан в Германию.

В Берлине Николай Александрович Бердяев организовал Религиозно-философскую академию, участвовал в создании Русского научного института, содействовал становлению Русского студенческого христианского движения (РСХД). До 1924 г. жил в Берлине, затем в Клараме под Парижем. В 1925–1940 гг. в Париже был редактором основанного им религиозно-философского журнала «Путь» – ведущего издания русской эмиграции; руководил издательством «УМСА – Press» («Христианского союза молодежи»). В 1947 г. Николай Александрович Бердяев был избран почетным доктором теологии Кембриджского университета. На Западе получил известность как главный выразитель традиции русской религиозно-идеалистической философии и идеолог антикоммунизма. Умер Николай Александрович Бердяев 24 марта 1948 г. в местечке Кларам недалеко от Парижа.

Н.А. Бердяев – автор около сорока книг. Среди его произведений – критические этюды, публицистические книги, статьи на философские и религиозные темы.

В данном тексте представлена часть из главы второй произведения «Самопознание (опыт философской автобиографии)». Для более целостного понимания Бердяева как мыслителя рекомендуется прочитать полностью вторую главу «Одиночество. Тоска. Свобода. Бунтарство. Жалость. Сомнения и борения духа. Размышление об эрозе». Любовь представлена здесь как ценностная составляющая личности человека, противопоставленная любви половой. Любовь есть бытие. Позиция Бердяева достаточно четко обозначена в представленном тексте.

Текст из работы «Самопознание (опыт философской автобиографии)».

РАЗМЫШЛЕНИЕ ОБ ЭРОСЕ

Я не собираюсь писать об эротической стороне своей жизни. Мне противны всякие признания в этой области. Я вообще не хочу писать о своей интимной жизни, о своих интимных отношениях с людьми, менее всего хочу писать о близких мне людях, которым более всего обязан. Со всем не таков характер этой книги. Я, вероятно, должен быть причислен к типу эротических философов, но страсти этические (страсти, а не нормы) во мне были сильнее страстей эротических. И, может быть, наиболее соблазнен я свободой и красотой отречения. Но я принадлежу к той породе людей и, может быть, к тому поколению русских людей, которое видело в семье и деторождении быт, в любви же видело бытие. Мне хотелось бы здесь сообщить некоторые размышления, основанные на опы-

те, наблюдении и интуициях. Я много думал об отношениях, которые существуют между разными типами любви и прежде всего между любовью-жалостью и любовью-эросом, между каритативной любовью и любовью-влюбленностью. Пол совсем не есть одна из функций человеческого организма, пол относится к целому. Это признает современная наука. И пол свидетельствует о падении человека. В поле человек чувствует что-то стыдное и унижающее человеческое достоинство. Человек всегда тут что-то скрывает. Он никогда не скрывает любви-жалости, но склонен скрывать любовь сексуальную. Меня всегда поражало это сокрытие пола в человеке. В самом сексуальном акте есть что-то уродливое. Леонардо да Винчи говорит, что половые органы так уродливы, что род человеческий прекратился бы, если бы люди не впадали в состояние одержимости (не помню точно выражения, но таков смысл). В сексуальной жизни есть что-то унижающее для человека. Только наша эпоха допустила разоблачение жизни пола. И человек оказался разложенным на части. Таков Фрейд и психоанализ, таков современный роман. В этом бесстыдство современной эпохи, но также и большое обогащение знаний о человеке. Мне всегда думалось, что нужно делать различие между эросом и сексом, между любовью-эросом и физиологической жизнью пола. Это сферы переплетающиеся, но они различны. Жизнь пола – безлика, родовая. В ней человек является игралищем родовой стихии. В самом сексуальном акте нет ничего индивидуального, личного, он объединяет человека со всем животным миром. Сексуальное влечение само по себе не утверждает личности, а раздавливает ее. Пол безлик, не видит лица. В жизни пола есть безжалостность в отношении к человеку, есть согласие отказаться от чисто человеческого. Индивидуализация полового влечения есть ограничение власти пола. Любовь – лична, индивидуальна, направлена на единственное, неповторимое, незаменимое лицо. Половое же влечение легко соглашается на замену, и замена действительно возможна. Сильная любовь-влюбленность может даже не увеличить, а ослабить половое влечение. Влюбленный находится в меньшей зависимости от половой потребности, может легче от нее воздерживаться, может даже делаться аскетом. Любовь всегда относится к единичному, а не к общему. Эротическая любовь коренится в поле и без пола ее нет. Но она преодолевает пол, она вносит иное начало и искупает его. Эрос имеет и другое происхождение, происходит из иного мира. Природа любви-эроса очень сложная и противоречивая и создает неисчислимы конфликты в человеческой жизни, порождает человеческие драмы. Я замечал в себе противоречие. Любовь-эрос меня притягивала, но еще более, еще сильнее отталкивала. Когда мне рассказывали о романах знакомых мне людей, я всегда защищал право их на любовь, никогда не осуждал их, но часто испытывал инстинктивное отталкивание и предпочитал ничего не знать об этом. Я всегда защищал свободу любви и защищал страстно, с негодованием

против тех, которые отрицали эту свободу. Я ненавидел морализм и законничество в этой области, не выносил проповеди добродетелей. Но иногда мне казалось, что я любил не столько любовь, сколько свободу. Настоящая любовь – редкий цветок. Меня пленяла жертва любовью во имя свободы, как пленяла и свобода самой любви. Любовь, которой жертвовали и которую подавили во имя свободы или жалости, идет в глубину и приобретает особый смысл. Мне противны были люди, находящиеся в безраздельной власти любви. И многие проявления любви вызывали возмущение. Но в дионисической стихии любви есть правда возвышения над властью закона. Я остро чувствую конфликт любви-эроса с любовью-жалостью, так же как конфликт любви со свободой. Нельзя отказаться от любви, от права и свободы любви во имя долга, закона, во имя мнения общества и его норм, но можно отказаться во имя жалости и свободы. Любовь так искажена, профанирована и опошлена в падшей человеческой жизни, что стало почти невозможным произносить слова любви, нужно найти новые слова. Настоящая любовь возникает, когда встреча не случайна и есть встреча суженого и суженой. Но в неисчислимом количестве случаев встреча бывает случайной, и человек мог бы встретить при других обстоятельствах более подходящего человека. Поэтому такое огромное количество нелепых браков.

Меня всегда возмущало, когда общество вмешивалось в эротическую жизнь личности. Социальные ограничения Прав любви вызывали во мне бурный протест, и в разговорах на эту тему мне случалось приходиться в бешенство. Любовь есть интимно-личная сфера жизни, в которую общество не смеет вмешиваться. Я вообще не люблю «общества». Я человек, восставший против общества. Когда речь идет о любви между двумя, то всякий третий лишний, писал я в книге «О назначении человека». Когда мне рассказывали о любви, носящей нелегальный характер, то я всегда говорил, что это никого не касается, ни меня, ни того, кто рассказывает, особенно его не касается. Любовь всегда нелегальна. Легальная любовь есть любовь умершая. Легальность существует лишь для обыденности, любовь же выходит из обыденности. Когда любовь погружается в обыденность, то она охлаждается и постепенно угасает. Эрос есть сфера незаконная. Мир не должен был бы знать, что два существа любят друг друга. В институте брака есть бесстыдство обнаружения для общества того, что должно было бы быть скрыто, охранено от посторонних взоров. У меня всегда было странное впечатление неловкости, когда я смотрел на мужа и жену, как будто бы я подсмотрел что-то, что мне не следует видеть и о чем не следует знать. Социализация пола и любви есть один из самых отталкивающих процессов человеческой истории, он калечит человеческую жизнь и причиняет неисчислимые страдания. Семья есть необходимый социальный институт и подчинена тем же законам, что и государство, хозяйство и прочее. Семья, очень связанная с хозяйственным

строим, имеет мало отношения к любви, вернее, имеет отношение лишь к каритативной любви, и лишь косвенное отношение к полу. Элементы рабства всегда были сильны в семье, и они не исчезли и до настоящего времени. Семья есть иерархическое учреждение, основанное на господстве и подчинении. В ней социализация любви означает ее подавление. Брак, на котором основана семья, есть очень сомнительное таинство. Христианство не знает своего таинства брака, оно лишь подтверждает брак в язычестве и юдаизме. В этом натуральном таинстве происходит социализация того, что по природе своей неуловимо для общества, неуловимо и для церкви как внешнего религиозного общества. Но подлинным таинством должно было бы быть признано таинство подлинной любви. Это таинство не поддается никакому социальному выражению, никакой рационализации. В этом трагизм любви в жизни человеческих обществ. Общество извергает любовь. Любящий в высшем смысле этого слова – враг общества. Мировая литература защищала права и достоинство любви, и именно любви не социализированной. Первыми были провансальские трубадуры. В этом огромная заслуга литературы и заслуга религиозная. Говорю о серьезной литературе и исключаю литературу, помешанную на сексе. Легальное богословие, легальная мораль, легальное общественное мнение всегда в этом вопросе относились враждебно к литературе и с трудом ее терпели. Кстати сказать, несмотря на мою большую любовь к Л. Толстому, я всегда относился отрицательно и враждебно к идее, положенной в основу «Анны Карениной». Я всегда считал преступным не любовь Анны и Вронского, а брачные отношения Анны и Каренина. Мне казалась поверхностной и внешней постановка вопроса о разводе. Настоящий вопрос не в праве на развод, который, конечно, должен быть признан, а в обязанности развода при прекращении любви. Продолжение брака, когда любви нет, безнравственно, только любовь все оправдывает, любовь-эрос и любовь-жалость. Вопрос о детях совсем другой вопрос и очень, конечно, важный. Но когда родители не любят друг друга, то это плохо отзывается на детях. Я знаю, что моя точка зрения будет признана асоциальной и опасной. Но я рад этому. Если социализация хозяйства желательна и справедлива, то социализация самого человека, которая происходила во всю историю, есть источник рабства и духовно реакционна. Главное же, я не принимаю категории опасности. Опасность совсем не плохая вещь, человек должен проходить через опасности.

«Что делать?» Чернышевского – художественно бездарное произведение, и в основании у него лежит очень жалкая и беспомощная философия. Но социально и этически я совершенно согласен с Чернышевским и очень почитаю его. Чернышевский свято прав и человечен в своей проповеди свободы человеческих чувств и в своей борьбе против власти ревности в человеческих отношениях. При этом в книге его, столь окле-

ветанной правыми кругами, есть сильный аскетический элемент и большая чистота. Интересно, что сам Чернышевский, один из лучших русских людей, относился с трогательной, необычайной любовью к своей жене. Его письма с каторги к жене представляют собой документ любви, редко встречающийся в человеческой жизни. У него была свободная любовь и свободная верность жене. У этого нигилиста и утилитариста был настоящий культ вечной женственности, обращенный на конкретную женщину, эрос не отвлеченный, а конкретный. И Чернышевский осмелился восстать против ревности, столь связанной с любовью эротической. Я всегда считал ревность самым отвратительным чувством, рабым и порабащующим. Ревность не соединима со свободой человека. В ревности есть инстинкт собственности и господства, но в состоянии унижения. Нужно признавать права любви и отрицать права ревности, перестав ее идеализировать. Это сделал Чернышевский в прямолинейной и упрощенной форме, не обнаружив никакой утонченной психологии. Ревность есть тирания человека над человеком. Особенно отвратительна женская ревность, превращая женщину в фурию. В женской любви есть возможность ее превращения в стихию демоническую. Существуют демонические женщины. Они иногда писали мне письма, у них была склонность к астральным романам. Это очень тяжелое явление. Есть несоизмеримость между женской и мужской любовью, несоизмеримость требований и ожиданий. Мужская любовь частична, она не захватывает всего существа. Женская любовь более целостна. Женщина легко делается одержимой. В этом смертельная опасность женской любви. В женской любви есть магия, но она деспотична. И всегда есть несоответствие с идеальным женским образом. Образ женской красоты часто бывает обманным. Женщины лживее мужчин, ложь есть самозащита, выработанная историческим бесправием женщины со времен победы патриархата над матриархатом.

Но женская любовь может подниматься до необычайной высоты. Таков образ Сольвейг у Ибсена, Вероники у Жуандо. Это любовь, спасающая через верность навеки. Мне всегда казалось, что самое тяжелое и мучительное не неразделенная любовь, как обыкновенно думают, а любовь, которую нельзя разделить. А в большинстве случаев любовь нельзя разделить. Тут примешивается чувство вины. У меня было больше дружеских и близких отношений с женщинами, чем с мужчинами. Мне иногда казалось, может быть иллюзорно, что женщины меня лучше понимают, чем мужчины. У женщин есть необыкновенная способность порождать иллюзии, быть не такими, каковы они на самом деле. Я мог чувствовать женское очарование. Но у меня не было того, что называют культом вечной женственности и о чем любили говорить в начале XX века, ссылаясь на культ Прекрасной Дамы, на Данте, на Гете. Иногда я даже думал, что не люблю женской стихии, хотя и не равнодушен к ней. Я еще

понимал и ценил провансальских трубадуров, которые впервые в истории культуры внесли идеальную любовь-влюбленность. Но мне чуждо было внесение женственного и эротического начала в религиозную жизнь, в отношение к Богу. Мне ближе была идея андрогина Я. Бема, как преодолевающая пол. Одно время у меня была сильная реакция против культа женственного начала. Тип эротики Вл. Соловьева меня отталкивал. Я очень ценил и ценю статью Вл. Соловьева «Смысл любви», это, может быть, лучшее из всего написанного о любви. Но я вижу большое противоречие между замечательными мыслями этой статьи и его учением о Софии. Верно, что женственная стихия есть стихия космическая, основа творения, лишь через женственность человек приобщается к жизни космоса. Человек в полноте своей есть космос и личность.

Пол принадлежит жизни рода. Любовь же принадлежит жизни личности. Отталкивание от родовой жизни принадлежит к самым первоначальным и неистребимым свойствам моего существа. Отталкивание во мне всегда вызывали беременные женщины. Это меня огорчает и кажется дурным. У меня было странное чувство страха и еще более странное чувство вины. Не могу сказать, чтобы я не любил детей, я скорее любил. Я очень заботился о своих племянниках. Но деторождение мне всегда представлялось враждебным личности, распадением личности. Подобно Кирхегардту я чувствовал грех и зло рождения. Перспективы родового бессмертия и личного бессмертия противоположны. Тут я не только согласен с Вл. Соловьевым, но думал так всегда, до чтения Вл. Соловьева и еще более так чувствовал. Родовая жизнь может вызывать чувство жалости, но не может вызывать любви-эроса. Идеальная влюбленность не соединима с жизнью рода, она есть победа личности над безликой родовой стихией, и в этом смысле над полом. Эрос побеждает пол. В сильной эмоции любви есть глубина бесконечности. Но пол может не интегрироваться в целостную преображенную жизнь, может остаться изолированной сферой падшести. В этой изолированности его от целостной личности и заключается ужас пола. Поэтому он так легко может делаться началом распада. Нельзя допустить автономии пола. Было уже сказано, что любовь есть выход из обыденности, для многих людей, может быть, единственный. Но таково начало любви. В своем развитии она легко подпадает под власть обыденного. В любви есть бесконечность, но есть и конечность, ограничивающая эту бесконечность. Любовь есть прорыв в объективированном природном и социальном порядке. В ней есть проникновение в красоту лица другого, видение лица в Боге, победа над уродством, торжествующим в падшем мире. Но любовь не обладает способностью к развитию в этом мире. И если любовь-эрос не соединяется с любовью-жалостью, то результаты ее бывают истребительные и мучительные. В эросе самом по себе есть жестокость, он должен смиряться с жалостью, *caritas*. Эрос может соединяться с агапэ. Безжалостная любовь

отвратительна. Отношение между любовью эротической и любовью каритативной, между любовью восходящей, притяжением красоты и высоты, и любовью нисходящей, притяжением страдания и горя в этом низинном мире, есть огромная и трудная тема. Эрос платонический сам по себе безличен, он направлен на красоту, на божественную высоту, а не на конкретное существо. Но в христианском мире эрос трансформируется, в него проникает начало личности. Половой пантеизм, который так блестяще защищал Розанов, не есть эрос, это возврат к языческому полу. Полнос, обратный мыслям Вл. Соловьева и моим мыслям. У Вл. Соловьева, в противоположность его персоналистическому учению о любви, был силен эрос платонический, который направлен на вечную женственность Божью, а не на конкретную женщину. Эрос порождает прельщающие иллюзии, и их не так легко отличить от реальности. Человеку свойственна мечта о любви. Это прекрасно описано Шатобрианом.

Но в эросе есть реальное ядро, заслуживающее вечности. Очень мучительно забвение. В забвении есть измена, предание вечности потоку времени. Иногда сон напоминает о забытом, и тогда печаль охватывает душу. Жизнь эротическая, за вычетом отдельных мгновений, самая печальная сторона человеческой жизни. Если забвение бывает изменой ценному, то воспоминание часто бывает восстановлением и того, что противоположно ценности. Я никогда не любил воспоминаний в этой сфере жизни, никогда не говорил об этом. Любви присущ глубокий внутренний трагизм, и не случайно любовь связана со смертью. Существует трагический конфликт любви и творчества. Эта тема гениально выражена Ибсеном. Мне всегда казалось странным, когда люди говорят о радостях любви. Более естественно было бы, при более глубоком взгляде на жизнь, говорить о трагизме любви и печали любви. Когда я видел счастливую любящую пару, я испытывал смертельную печаль. Любовь, в сущности, не знает исполнившихся надежд. Бывает иногда сравнительно счастливая семейная жизнь, но это счастливая обыденность. Если я и был романтиком, то романтиком, лишенным иллюзий, надежды и способности к идеализации действительности, романтиком, слишком реалистически воспринимавшим действительность. В социальной стороне любви я себя чувствовал революционером и требовал революции в этой области. Я обличал низость организующейся и деспотической обыденности. У меня была страсть к свободе, к свободе и в любви, хотя я отлично знал, что любовь может быть рабством. Больше всего трогала меня любовь каритативная, любовь-жалость и отталкивала любовь эгоцентрическая и вампирическая. Но бывает, хотя и не часто, необыкновенная любовь, связанная с духовным смыслом жизни.

(Бердяев Н.А. Самопознание // Соч.. М.: Изд-во «Эксмо»; Харьков: Изд-во «Фолио», 2005. С. 330–338).

Вопросы к тексту

1. Почему любовь для Бердяева бытие?
2. Почему Бердяев всегда защищал свободу любви?
3. Какие сферы разделяет Бердяев в любви и почему, зачем он это делает?
4. Почему эрос побеждает пол?
5. Охарактеризуйте отношение Бердяева к любви?

ПАСКАЛЬ БЛЕЗ

Блез Паскаль (1623–1662) – французский математик, физик, литератор и философ. Классик французской литературы, один из основателей математического анализа, теории вероятностей и проективной геометрии. Около 1652 г. Паскаль задумал создать фундаментальный труд – «Апологию христианской религии». Одной из главных целей «Апологии...» должна была стать критика атеизма и защита веры. Философ постоянно размышлял над проблемами религии, его замысел менялся с течением времени, но приступить к работе над трудом, который задумывался им как основной труд жизни, мешали различные обстоятельства. Начиная с середины 1657 г. Паскаль делает фрагментарные записи для «Апологии...» на отдельных листах, классифицируя их по темам. На создание книги Паскаль отводил себе десять лет. Болезнь помешала ему: с начала 1659 г. он делал только отрывочные записи.

В годы, посвященные интенсивным научным исследованиям, Паскаль выказывал твердую приверженность реализму, который отличал его от Декарта, предпочитавшего главным образом абстрактные методы математики и бывшего рационалистом. Для Паскаля разум должен полностью подчиняться фактам. Остро сознавая значимость конкретного, он никогда не был склонен к излишнему теоретизированию и считал, что изучаемый предмет всегда следует подвергать испытанию и сделать осязаемым. Основные работы Б. Паскаля: «Письма к провинциалу», «Молитвенное обращение об обращении во благо болезней», «Мысли о религии и других предметах».

В данной хрестоматии представлена работа Паскаля «Рассуждения о любовной страсти». В ней он отмечает, что человек устает все время мыслить рационально, ему нужен отдых. Для этого человеку и необходимы страсти, из которых одной из самых сильных и является любовь. Паскаль считает, что человек не может одновременно переживать несколько сильных страстей, поэтому ему нужно сосредоточиться лишь на какой-то одной. Философ напрямую связывает острый ум человека и возможность испытывать им сильные страсти. Человек не должен бояться любви и размышлять о ней, он должен просто ее испытывать. По мнению Паскаля, у человека есть ум для познания и есть ум, который способен «чувствовать», то есть любить. Любовь – вот естественное свойство человека, а одиночество, наоборот, делает человека ущербным.

Текст из работы «Рассуждения о любовной страсти».

***

Человек создан, чтобы мыслить. Он мыслит непрестанно, мыслит каждую минуту. Однако чистые мысли, которые сделали бы его счастливым, будь он в состоянии все время удерживать их в голове, утомляют и обессиливают его. Он не приспособлен к однообразной жизни, ему нужны движение и действие. Иными словами, надо, чтобы его покой время от времени был нарушаем волнением страстей. В сердце у себя он находит их источники – бурные и глубокие. Две главные человеческие страсти, заключающие в себе множество других страстей, – любовь и честолюбие. При всем их различии многие усматривают между ними какую-то связь. В действительности же они, наоборот, ослабляют друг друга, если не сказать – подавляют.

Какой бы широтой ума мы ни отличались, мы способны испытывать только одну сильную страсть. Поэтому когда мы движимы и любовью, и честолюбием, каждая из этих страстей достигает лишь половины той силы, какой она достигла бы, если бы ей не препятствовала другая. Ни зарождение, ни угасание этих двух страстей не зависят от возраста. Они пробуждаются в человеке с первых лет жизни и часто не покидают его до могилы. Но все же, поскольку они требуют огня, люди больше расположены к ним в молодости, и оттого создается впечатление, будто страсти с годами ослабевают, хотя бывает это очень редко.

Человеческая жизнь плачевно коротка. Счет ей ведется с момента появления младенца на свет. Что до меня, то я вел бы ей счет со времени рождения разума – с той поры, когда мы начинаем руководиться разумом, что обыкновенно бывает не ранее двадцати лет. До этого возраста мы дети, а дитя еще не человек. Как счастлива та жизнь, в которой сначала властвует любовь, а под конец – честолюбие! Если бы мне было дано выбирать, я не пожелал бы себе иной. Пока в нас есть огонь, мы внушаем любовь, но рано или поздно огонь угасает – какой простор открывается тогда честолюбию! Бурная жизнь заманчива для недюжинных умов, посредственности не находят в ней отрады: во всех своих поступках они подобны машинам. Вот почему тот, кем в начале жизни владеет любовь, а на склоне лет – честолюбие, обретает наивысшее счастье, какое только доступно человеку.

Чем больше людям отпущено ума, тем сильнее их страсти. Ведь страсти – это чувства и мысли, всецело принадлежащие уму, хотя их внешней причиной служит тело; значит, в них нет ничего, что выходило бы за пределы ума, и, следовательно, они ему соразмерны. Я говорю здесь лишь о пламенных страстях. Что же до прочих, то они нередко перемешиваются между собой, создавая мучительную сумятицу; но такого никогда не бывает с людьми большого ума. Величие души проявляется

во всем. Иногда спрашивают, стоит ли любить. Об этом незачем спрашивать, это надо чувствовать. Люди не раздумывают, любить им или нет, – они просто следуют своей склонности и охотно обманывают себя, когда у них зарождаются сомнения. Ясность ума влечет за собой чистоту страсти, поэтому человек, наделенный глубоким и ясным умом, способен горячо любить и всегда отдает себе отчет в том, что он любит.

Существует два вида ума: это геометрический ум и ум, который можно назвать тонким. Первый рассматривает предмет по порядку с разных сторон, обводя его медленным взором. Последний же обладает гибкостью мысли, позволяющей ему видеть многие привлекательные черты любимого человека. Взор его проникает в самое сердце, по малейшим движениям он угадывает, что делается в душе. Когда человек одарен и тем и другим умом, сколько наслаждения доставляет ему любовь! Ведь он наделен не только силой, но и гибкостью ума, которая так необходима для того, чтобы двое могли многое сказать друг другу.

Мы рождаемся с любовью в сердце. Она вступает в свои права по мере совершенствования нашего ума, побуждая нас любить то, что представляется нам прекрасным, даже если нам никогда не говорили, что есть прекрасное. Кто после этого усомнится, что мы предназначены не для чего иного, как для любви? Бессмысленно скрывать от самих себя: мы любим всегда, и, даже когда нам кажется, что мы презрели любовь, она таится в глубине нашего сердца. Без любви мы не можем прожить и минуты.

Человеку тягостно оставаться наедине с собой; между тем он любит, – значит, предмет своей любви он должен искать в чем-то другом. Обрести его он может только в прекрасном; а так как он сам – прекраснейшее из всех божьих созданий, надо, чтобы он в себе самом находил образец той красоты, которую он ищет вокруг. Проблески ее при желании заметит в себе каждый. Видя, что внешние предметы либо соответствуют этому образцу, либо расходятся с ним, люди составляют себе идеи прекрасного и безобразного применительно ко всякой вещи. Но хотя человек ищет, чем заполнить великую пустоту, образовавшуюся, как только он вышел за пределы своего Я, он, однако, не может довольствоваться предметами любого рода. У него слишком большое сердце; нужно, по крайней мере, чтобы это было нечто ему подобное и близкое. И потому красота, на которой он останавливает свой выбор, состоит не только в соответствии, но и в сходстве. Это замыкает ее в пределах различия полов.

Природа столь ярко запечатлела эту истину в нашей душе, что для восприятия такой красоты нам не нужно ни искусства, ни каких-либо познаний; похоже, что в сердце у нас для нее отведено особое место, которое не остается пустым. Мы чувствуем это лучше, чем можем выразить. Не видит этого лишь тот, кто умудряется затемнять свои естественные понятия и пренебрегать ими. Несмотря на то, что общая идея прекрасно-го неизгладима у нас в глубине души, наши представления о красоте да-

леко не одинаковы, но виною этому лишь наши пристрастия. Ибо нам нужна не просто красота – для нас важны еще очень многие обстоятельства, в зависимости от того, к чему мы больше расположены, и потому можно сказать, что каждый создает себе свой, особый, образ красоты, подобие которого он ищет повсюду. Образ этот часто предопределяют женщины. Безраздельно властвуя над умами мужчин, они дополняют их представление о прекрасном чертами той красоты, какой обладают или какую ценят они сами; так они добавляют к изначальной идее красоты все, что им заблагорассудится. Поэтому бывает век блондинок и век брюнеток, и соответственно тому, как распределяются голоса женщин в пользу тех и других, разделяются и вкусы мужчин.

Наши понятия о красоте часто зависят даже от моды и от обычаев страны, в которой мы живем. Поразительно, что обычай так властно вмешивается в наши страсти. И все же у каждого есть свой собственный идеал красоты, исходя из которого он судит о других. В глазах влюбленного его возлюбленная красивее других женщин, она для него образец красоты. Красота бесконечно многообразна. Лучшая ее хранительница – женщина. Когда женщина умна, она удивительно одухотворяет и возвышает красоту. Если у женщины есть желание понравиться и при этом она одарена всеми преимуществами красоты или хотя бы лишь некоторыми из них, она своего добьется. Больше того, если мужчины обратят на нее хоть чуточку внимания, то и без всяких усилий с ее стороны ее непременно кто-нибудь полюбит. Она займет свободный уголок в сердце, которое ждет любви.

Человек создан для наслаждения. Он это чувствует, других доказательств не нужно. Следовательно, предаваясь наслаждению, он повинуется своему разуму. Но довольно часто бывает, что, чувствуя в сердце страсть, он и сам не знает, с чего она началась. Ложное удовольствие в такой же мере способно поглотить ум, как и подлинное. Что нам до того, что удовольствие это ложное, мы-то принимаем его за истинное! Говоря о любви, мы влюбляемся, и не мудрено: ведь это самая естественная для человека страсть. Любовь не имеет возраста, она постоянно рождается вновь. Это можно прочесть у поэтов, недаром любовь у них олицетворяет дитя. Но мы это чувствуем и без них. Любовь прибавляет ума и в свою очередь находит опору в уме. Чтобы любить, требуется искусство. С каждым днем человек истощает запас средств, которые он пускает в ход, чтобы нравиться другому, но цель поставлена – и он нравится. Себялюбие внушает нам, что мы достойны занять место в сердцах многих людей; потому-то нам и отраднее быть любимыми. Оттого что мы жаждем любви, мы очень быстро замечаем ее в глазах любящего. Ведь глаза всегда рассказывают, что у человека на сердце, только язык их понимает лишь тот, кто к нему неравнодушен.

Одиноким человек есть нечто несовершенное. Для счастья он должен найти себе пару. Чаще всего мы ищем спутника в своем кругу: здесь мы держимся более непринужденно и у нас больше возможностей проявить себя. Но иногда мы устремляем взоры куда выше и, чувствуя разгорающийся пламень, не смеем открыться той, что его зажгла. Когда избранница недоступна, любви поначалу может сопутствовать честолюбие, но в скором времени она становится всевластной. Это тиран, который не терпит подле себя равных, предпочитая оставаться в одиночестве. Прочие страсти должны уступать дорогу и повиноваться.

Возвышенная дружба увлекает нас гораздо сильнее, чем обыкновенная ровная привязанность. Нечто легковесное не достигает глубин человеческого сердца; в нем оседает лишь то, что более весомо. В книгах часто высказываются суждения, которые можно обосновать не иначе, как только заставив каждого поразмыслить над самим собой и воочию убедиться в их справедливости. Все, что я здесь говорю, подтверждается именно таким образом. Человек сколько-нибудь утонченный обнаруживает утонченность и в любви. Ведь подобно тому, как его приводит в содрогание какой-нибудь внешний предмет, точно так же, если что-то противоречит его представлениям, он старается этого избегать. Критерий утонченности устанавливается ясным, благородным и возвышенным умом. Мы можем возомнить себя утонченными, вовсе не обладая этим достоинством, и другие вправе нас за это осудить. Напротив, относительно красоты у каждого есть свой собственный критерий, не зависящий от чужих вкусов. Однако мы должны признать, что между утонченностью и полным ее отсутствием есть середина, и когда человеку хочется быть утонченным, он не так уж далек от цели. Женщинам доставляет удовольствие находить в мужчинах утонченность, и, по-моему, легче всего завоевать их любовь, затронув в них эту струнку. Приятно видеть, что нам отдают предпочтение перед тысячей других.

Способности ума не приобретаются упражнениями, их можно только совершенствовать. Отсюда ясно, что утонченность – это природный дар, а не плод искусства. Чем умнее человек, тем больше для него существует разных типов красоты, но это при условии, что он не влюблен, ибо для влюбленного вся красота воплощена в одном-единственном образе. Не кажется ли вам, что, завладевая сердцами других, женщина всякий раз освобождает место другим в своем собственном сердце? Правда, я знаю женщин, которые это отрицают. Но кто скажет, что это несправедливо? Взятое полагается отдавать обратно.

Если ум постоянно сосредоточен на одной и той же мысли, она изнуряет и опустошает его. Поэтому, чтобы любовь как можно дольше доставляла нам наслаждение, надо порой забывать о том, что мы влюблены.

В этом нет никакой измены: мы ведь не влюбляемся в других, мы только восстанавливаем силы, чтобы любовь не угасла. Это получается само собой; ум дает себе отдых, следуя безотчетному побуждению, – таково веление природы.

Однако нельзя не согласиться, что тем самым мы отдаем дань слабости, присущей человеческой природе, и что мы были бы счастливее, если бы не нуждались в перемене мыслей. Но тут мы над собой не властны. Радость любить, не дерзая сделать признание, сопряжена с муками, но в такой любви есть и своя прелесть. С каким воодушевлением мы делаем все, что может понравиться человеку, которого мы беспредельно чтим! Изо дня в день мы неустанно ищем способ открыться. На это у нас уходит столько же времени, как если бы нам предстояло беседовать со своей возлюбленной. Наши глаза вспыхивают и гаснут в одно мгновение, и даже если мы видим, что виновница всего смятения ничего не подозревает, нам отрадно сознавать, что все эти волнения мы испытываем из-за человека, в высшей степени того заслуживающего. Нам хотелось бы дать волю языку, чтобы излить свои чувства; ведь не решаясь воспользоваться словами, мы вынуждены ограничиваться красноречием действия.

Любовь наполняет душу радостью и поглощает все наши мысли. Это значит, что мы счастливы, ибо весь секрет, как поддерживать страсть, заключается в том, чтобы не оставлять в уме ни малейшей пустоты, непрерывно устремляя его на предметы, вызывающие сладостные мысли о нашей любви. Но если мы принуждены таиться, мы не сможем долго пребывать в подобном состоянии. Так как мы единственное действующее лицо в страсти, предуготовленной для двоих, наши чувства вскоре иссякнут. Страсть нуждается в новизне. Человеческий ум требует разнообразия, и кто умеет предстать в новом свете, того трудней разлюбить. Достигнув своей вершины, страсть иногда утрачивает полноту. Отторгнутые от живительного источника, мы понижаем, и сердце отдается во власть враждебных страстей, разрывающих его на части. Но стоит появиться слабому проблеску надежды, и мы вновь воспаряем душою. Для женщин это подчас только игра, но порой, изображая участие, они, в самом деле, проникаются состраданием – тогда мы снова чувствуем себя счастливыми.

Глубокая и непоколебимая любовь всегда начинается с красноречия действия. Самое главное здесь – глаза. Однако их выражение надо уметь разгадывать. Когда двое охвачены одним чувством, им разгадывать не приходится. Хотя бы один из них непременно понимает, что хочет сказать другой, даже если другой то ли не понимает его, то ли не смеет понять. Когда мы любим, мы замечаем, что стали совсем другими. Нам кажется, что все кругом видят, как мы переменялись. Это глубокое заблуждение, но, так как наш умственный взор затуманен страстью, мы не в состоянии переубедить себя и смотрим на окружающих с недоверием.

Влюбленный убежден, что от него не укрылась бы чужая страсть. Это его тревожит. Чем длиннее путь в любви, тем больше наслаждения испытает утонченный ум. Есть люди, в которых надо долгое время поддерживать надежду, – это те, кто наделен утонченным умом. Иные же не способны долго бороться с препятствиями – это люди самого грубого ума. Первые отличаются постоянством; таким любовь приносит больше радости. Вторые быстрее влюбляются и ведут себя смелее, но их любовь недолговечна.

Первый признак любви – благоговение. Мы боготворим того, в кого влюблены, и это совершенно справедливо, ибо ничто на свете не сравнится для нас с предметом нашей страсти. Сочинителям не под силу во всех тонкостях передать переживания влюбленных. Для этого им самим надо оказаться на месте своих героев. Распутство столь же чудовищно, как и извращенность ума. В любви молчание дороже слов. Хорошо, когда смущение сковывает нам язык: в молчании есть свое красноречие, которое доходит до сердца лучше, чем любые слова. Как много может сказать влюбленный своей возлюбленной, когда он в смятении молчит, и сколько он при этом обнаруживает ума! Каким бы красноречием мы ни обладали, подчас для нас лучше, чтобы оно истошилось. Тут нет никаких правил и никакого расчета. Все само собой выходит так, как должно быть. Нередко бывает, что, полюбив, человек хранит нерушимую верность тому, кто даже не подозревает о его чувствах. Но для этого надо любить самой чистой и трепетной любовью.

Какой у людей ум, а значит, и страсти, мы узнаем, сравнивая себя с другими. Я согласен с тем, кто сказал, что влюбленный не дорожит своим достоинством, забывает родных и близких. К этому приводит и большая дружба. Неудивительно, что любящие так беспечны, – им трудно себе представить, чтобы они нуждались в чем-либо еще, кроме любимого человека. В уме, преисполненном любви, не остается места для заботы и беспокойства. Без этой крайности любовь не может быть прекрасной; поэтому влюбленный не задумывается над тем, что будут говорить люди, он знает, что окружающие не должны порицать его поступки, ибо они исходят от разума. У того, кто целиком отдается страсти, нет охоты размышлять. Надеясь снискать благосклонность женщины, мужчина первый делает шаг навстречу – это не просто обычай, это обязанность, возлагаемая на него природой.

Забвение, даруемое любовью, и привязанность к другому человеку порождают в любящем такие свойства, каких в нем не было прежде. Любовь делает людей великодушными. Скупой и тот становится щедрым и даже не вспоминает о своих прежних привычках. Все это вполне объяснимо, ибо есть страсти, угнетающие и сковывающие душу, а есть такие,

от которых она расправляется и рвется из груди. Напрасно любовь считают недостойной называться именем разума. Противопоставлять их нет оснований, потому что любовь и разум – это одно и то же. Мы увлекаемся человеком прежде, чем хорошо его узнаем, – это своего рода торопливость мысли, но она далека от неразумия, и мы не должны, да и не можем помышлять о том, чтобы стать иными: тогда мы превратились бы в бесчувственные машины. Так не будем же отторгать от любви разум, ибо они неразделимы. Стало быть, не правы поэты, изображающие любовь слепой. Надо сорвать с ее глаз повязку, закрывшую ей белый свет.

Душа, созданная для любви, жаждет деятельной, богатой событиями жизни. Она вся – движение, и потому ей нужно, чтобы все вокруг бурлило. Подобный образ жизни открывает широкую дорогу для страсти. Недаром придворные легче завоевывают сердца, нежели столичные жители, не бывающие при дворе: те полны огня – эти же привыкли к однообразной жизни, в которой не случается ничего, что могло бы всколыхнуть душу. Бурная жизнь сулит неожиданности, она будоражит ум и оставляет в нем яркие впечатления. Я думаю, что любовь преображает душу. Эта страсть возвышает людей и преисполняет их благородством. Все в человеке должно быть ей под стать, иначе она окажется ему не по силам и будет его тяготить. Приятное и прекрасное – одно и то же, это известно всем. Я имею в виду нравственную красоту, заключенную в словах и поступках. Конечно, есть определенные правила, как стать приятным, но здесь еще нужно физическое влечение, а это не в нашей власти. Мы составили себе столь идеальное представление о приятном, что нет на свете человека, который бы ему соответствовал. Давайте-ка хорошенько поразмыслим и признаем, что в людях нас покоряет просто-напросто восприимчивость и живость ума. Эти два качества для любви чрезвычайно важны: влюбленному нельзя ни спешить, ни медлить. Остальное решает опыт.

Уважение и любовь должны быть столь соразмерны меж собой, чтобы они служили друг другу опорой и уважение не подавляло любви. Душевной щедростью отличаются не те, что любят много раз, а те, что любят всей душою. Потрясти их и завладеть всем их существом способна лишь неукротимая страсть. Но если уж в них пробудилась любовь, любят они не в пример сильнее остальных. Говорят, что народы в разной степени подвержены любовной страсти. Это неверно; во всяком случае, это нельзя признать безоговорочной истиной. Коль скоро любовь состоит в определенной направленности мыслей, нет сомнения, что она повсюду одна и та же. Правда, поскольку она зависит не от одной души, в нее привносит кое-какие различия климат, но это имеет отношение лишь к телу.

Любовь что здравый смысл. Люди убеждены, что ума у них столько же, сколько и у других, точно так же им кажется, что и любят они, как все. Однако, если вдуматься, в любимом человеке каждому дороги такие черточки, которые оставляют других равнодушными. (Чтобы уловить эту разницу, нужна большая проницательность.) Кто прикидывается влюбленным, тот рискует влюбиться всерьез; во всяком случае, без легкого увлечения тут не обойдется. Ведь разыгрывающий из себя влюбленного поневоле вживается в роль, иначе кто поверил бы его словам? Истину страстей утаить труднее, чем скрыть более важные истины. Чтобы сохранить в тайне первую, нужны пыл, находчивость, легкая и быстрая игра ума, тогда как для замалчивания последних надо только изворачиваться и тянуть время, что значительно проще. Вдали от того, кого мы любим, мы полны решимости многое сделать и многое сказать, но когда мы рядом, мужество нас покидает. Откуда эта слабость? Дело в том, что на расстоянии нам легче сохранять душевное равновесие, между тем как в присутствии предмета своей страсти мы испытываем необычайное волнение, лишаящее нас твердости.

В любви мы не осмеливаемся идти на риск из боязни все потерять. Надо продвигаться дальше, но кто скажет, у какой черты нужно остановиться? Пока мы не найдем для себя эту черту, мы трепещем, а когда мы ее наметим, ее недолго преступить. Благоразумие здесь бессильно. Нет ничего мучительнее, как быть влюбленным и замечать ответное чувство, не смея себе поверить. Временами нас озаряет надежда, но затем охватывает страх, и страх в конце концов побеждает. Когда мы страстно влюблены, мы каждый раз смотрим на любимого человека так, словно видим его впервые. В его отсутствие мы уже через минуту сердцем чувствуем, как нам его не хватает. Великая радость – обрести его вновь! Наши тревоги тотчас уходят прочь. Однако для этого нужно, чтобы любовь была уже достаточно зрелой. Если же она еще только рождается и мы еще не добились взаимности, тревоги рассеиваются, но их сменяют другие. Несмотря на сплошные тяготы, мы стремимся быть рядом с возлюбленной в надежде, что это избавит нас от терзаний. Но когда мы ее видим, нам кажется, что мы томимся еще больше прежнего. Прошлые горести не волнуют нас так, как настоящие, а судим мы по тому, что задевает нас за живое. Можно ли не сострадать влюбленному, испытывающему такие муки?

(Паскаль Блез // Вопросы философии. 1986. № 5. С. 87–99).

Вопросы к тексту

1. Для чего человеку, по мнению автора, необходимы страсти?
2. Почему такие страсти, как любовь и честолюбие, ослабляют друг друга?

3. Почему Паскаль считает, что чем умнее человек, тем сильнее его страсти?
4. Какие два вида ума существуют у человека?
5. Почему человек просто не может жить без любви?
6. Почему, по мнению автора, одинокий человек является чем-то несовершенным?

ВЫШЕСЛАВЦЕВ БОРИС ПЕТРОВИЧ

Вышеславцев Борис Петрович (1877–1954). Имя этого русского религиозного мыслителя не часто упоминается в нашей философской литературе, а его творчество мало исследуется. И тем не менее современники знали его как одного из самых известных лекторов Московского университета и оригинального мыслителя, работающего на стыке философии, религии и психологии. Исследователи его творчества оценивают его основные работы «Этика преображенного Эроса» и «Вечное в русской философии» как некий итог почти тысячелетнего развития русской религиозной мысли, в определенной степени закончившегося в пятидесятых годах XX века со смертью выдающихся русских философов Н. Бердяева (1948), С. Франка (1950), С. Булгакова (1944) и др.

Б.П. Вышеславцев родился в Москве в семье присяжного поверенного. В 1899 г. закончил с отличием юридический факультет Московского университета. Но адвокатура не увлекла молодого юриста, с интересом читающего Канта, Фихте, участвующего в Марбурге в семинарах неокантианцев Наторпа и Когена, дружившего с Н. Гартманом. После сдачи магистерского экзамена Вышеславцев уезжает в длительную командировку за границу (Рим, Париж, Марбург), где и знакомится с крупными мыслителями того времени. Вернувшись в Россию, с 1906 г. читает курсы по истории философии, истории политических учений. Один из крупнейших русских философов Ф.А. Степун так вспоминает Вышеславцева: «Юрист и философ по образованию, артист-эпикурец по утонченному чувству жизни и один из тех широких европейцев, что рождались и вырастали только в России, Борис Петрович развивал свою философскую мысль с тем радостным ощущением ее самодовлеющей жизни, с тем смакованием логических деталей, которые свойственны скорее латинскому, чем русскому уму. Говоря, он держал свою мысль, словно некий диалектический цветок, в высоко поднятой руке и, сбрасывая лепесток за лепестком, тезис за тезисом, то и дело в восторге восклицал: «Поймите!.. оцените!..»

Начиная с защиты магистерской диссертации (1914), которая, по воспоминаниям очевидцев, длилась четыре часа и была посвящена исследованию этики Фихте («Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии») и которая принесла автору «солидную научную репутацию в философских кругах», Вышеславцев

касается проблем «иррационального» и «трансцендентального», ставших постоянным «лейтмотивом» его дальнейшего творчества.

Перу Б.П. Вышеславцева принадлежат такие работы, как «Русская стихия у Достоевского» (1923), «Проблемы религиозного сознания» (1924), «Христианство и социальный вопрос» (1929), «Этика преображенного Эроса» (1931), «Вечное в русской философии» (1955), вышедшая после его смерти, отрывок из которой дается ниже, и др.

После высылки вместе с другими деятелями культуры в 1922 г. из Советской России Вышеславцев с 1922 по 1924 гг. жил в Берлине, читал лекции в Религиозно-философской академии. После переехал в Париж, где работал редактором издательства ИМКА-Пресс. В 1925 г. вместе с Н.А. Бердяевым, с которым был знаком еще в Москве, основал журнал «Путь». В середине 20-х гг. он знакомится с известным психоаналитиком К. Юнгом. Этот факт сыграл большую роль в создании «Этики преображенного Эроса». Он даже принял главное участие в четырехтомном издании сочинений швейцарского психоаналитика на русском языке.

Во время Второй мировой войны Вышеславцев жил в Германии, что, очевидно, также сыграло роль в том, что его замалчивали в СССР. В последние годы жизни вышла его работа «Кризис индустриальной культуры» (1953), где он дает критику индустриального общества, его культуры, его ценностей независимо от его формы (социализма или капитализма).

Умер Б.П. Вышеславцев от туберкулеза в 1954 г. в Женеве. Одними из его последних слов были: «Возвращаюсь к истокам бытия...».

Текст из работы «Этика преображенного Эроса».

Глава четвертая.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПОДСОЗНАНИЯ И СУБЛИМАЦИЯ

3. Эрос и сублимация

В чем же заключается средство к овладению таинственными подсознательными силами души? Современная психология подсознания с ее теорией психоанализа и внушения указывает нам путь, подлинность которого подтверждается величайшими философскими и религиозными учениями. В свете этих учений вместе с тем отбрасывается все модное, суетное и нездоровое, что есть в доктрине «подсознательного», и остается все исконное, древнее и вечное, намеченное Платоном и ап Павлом.

Неудача императивной нормы и ее столкновение с законом иррационального противоборства указывает нам путь. Подсознание не подчиняется прямому велению. Закон обращается к разумной воле и действует в средней рассудочной сфере, в сфере, освещенной сознанием. Подсознание остается для него закрытым. Нужно уметь проникать в подсознание, угадывать, что в нем происходит, и влиять на него. Прямым путем это

невозможно и возможно лишь обходным путем психоанализа. Здесь лежит заслуга Фрейда и его открытие эротической природы подсознания. Однако гениальным предвосхищением и вместе с тем существеннейшей поправкой Фрейда является Платоновское учение об Эросе. Эрос бесконечно больший объем лет нежели *libido sexualis* (сексуальное влечение, лат.), нежели даже эротическая влюбленность. Это его корни и цветы, но не его всеобъемлющее древо жизни.

Необходимость расширения понятия *libido* (влечение, энергия эротического желания, лат.) за пределы сексуальной сферы сознают все значительные мыслители, вышедшие из Фрейда. Так, Юнг понимает *libido* как основную психическую энергию, соответствующую в области психического бытия тому, что называется энергией в физике. Бодуэн предлагает для этой основной душевной потенции термин *potentielaffectif* (властная эффективность, фр.). Для Адлера эта движущая пружина души есть жажда власти и господства. Эрос Платона объемлет все это: он означает существенную и несводимую функцию души, функцию стремления, уходящую в бесконечность и многообразную по содержанию, но всегда направленную на возрастание бытия, на его «валоризацию».

Эрос есть влюбленность в жизнь, «аффект бытия» (Фихте), жажда полноты, жажда полноценности, рождение в красоте, жажда вечной жизни (все это сказал еще Платон); а в конце концов Эрос есть жажда воплощения, преобразования и воскресения, богочеловеческая жажда, жажда рождения Богочеловека, этого подлинного «рождения в красоте», жажда обожения и вера, что «красота спасет мир» (Достоевский), – и это сказало христианство, ибо оно есть религия абсолютно желанного. И оно сказало то, чего искал и что предчувствовал Платон, ибо «рождение в красоте» есть конечно воплощение и преобразование.

Если верно, что подсознание обладает эротически-тендирующей природой, то вот во что оно «сублимируется» и вот какие цветы вырастают из его сокрытой глубины:

Свет из тьмы, над темной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики роз твоих.
Если б в сумрачное лоно
Не впивался погруженный
Темный корень их.

(Соловьев)

Несколько курьезной может показаться такая «существенная» поправка к идее Фрейда, и, однако, она единственно последовательна: «сублимации» ищет Фрейд, и сублимацию в грандиозных размерах дает Платон. Тендирующее движение Эроса берет направление на то, что кажется Платону наиболее «sublime» (высоко, возвышенно, лат.). Если христианство видит еще более высокий пункт, определяющий направление, то оно

должно продолжать сублимацию, ибо сублимация вообще не останавливается: «возводить» можно лишь к тому, что считаешь высшей ценностью (*siblimissimum* – наивысшее, лат.).

Все творчество, вся культура и вся религия есть «сублимация», берущая направление на то, что открывается (в «откровении») как высшая ценность: «где сокровище ваше, там и сердце ваше», где ваша высшая ценность, там и ваш Эрос.

Гимн любви у ап. Павла есть выражение предельно сублимированного Эроса: вот во что преобразается подсознательная жажда жизни, полноты и блаженства! Космос любви возникает из хаоса темных эротических порывов. Эрос брачной любви допускает сублимацию «во Христа и во Церковь» и есть «великая тайна» и таинство. Больше того, здесь центр христианских тайн, ибо все христианские символы из Эроса вырастают: Отец, Сын, Матерь, братья, Жених, Невеста. Если бы влюбленность, брак, материнство, отцовство были чем-то низким и презренным (как думают гностические ереси), то эти символы не могли бы возникнуть. В них заключается указание на возможность могучей сублимации Эроса: семья есть малая Церковь, и Церковь есть большая семья. Если бы Эрос был презрен в каком-либо своем аспекте, то как могла бы «Песнь песней» стоять в каноне священных книг?

4. Сублимация в христианской аскетике

Через Дионисия Ареопагита, великого основоположника восточно-христианской (а в значительной степени и западной) православной мистики, и через его гениального ученика и истолкователя Максима Исповедника, христианство воспринимает в себя Платоновое учение об Эросе и дает ему наивысшее завершение. «Небесная Иерархия» Дионисия представляет собою грандиозную систему «сублимации», возведения низшего к высшему: и это возведение совершается силою Эроса и завершается «обожением». Сам Творец всего сущего «есть добрый и божественный Эрос», «добро-творящий Эрос бытия, предшествующий в избытке». «Божественный Эрос, безначальный и бесконечный». И Христос есть «распятый Эрос» – Дионисий защищает «божественное имя Эроса» по сравнению с агапе.

Максим Исповедник следует за Дионисием, расширяя и углубляя его учение о любви. Для него любовь есть божественная сила, стягивающая и связывающая воедино весь космос и всякую вещь, существующую в нем, высшую и низшую. Эта сила есть Эрос. Из любви Творец природы связал ее в единство со своей собственной Ипостасью (в воплощении), чтобы «остановить ее беспокойство» и привести ее к себе. Так выражает Максим Исповедник сублимацию беспокойного хаоса природных сил, и эта сублимация есть воплощение божественного и обожение природного.

Страсти совсем не плохи сами по себе, они «хороши в руках ревнителей доброй жизни». Даже такие страсти, как «вожделение», «сластолюбие», «страх», допускают сублимацию: вожделение превращается в «стремительный порыв желания божественных благ», сластолюбие – «в блаженство и восхищение ума божественным и дарами», страх – «в боязнь ответственности за грех», печаль – «в раскаяние».

Порок создан из того же материала, как и добродетель. Нет природных сил души и тела, которые были бы плохи сами по себе, они становятся злом лишь тогда, когда принимают особую форму, именно форму извращения. Основной идеей всей греко-восточной аскетики и мистики была идея обожения. Обожение есть настоящая сублимация всего существа человека, всех сил его тела и души, ибо тело человека – Храм Духа Божия (1Кор.6:19) и, как и душа его, подлежит преображению и прославлению. Великой заслугой Оригена является то, что он дал учение об «обожении» как о таинственном «воображении» Христа в сердце верующего. В душе человека как бы снова рождается Христос. Вселяясь в душу и обитая в ней, Он преобразует ее по образу своему. Такое «преображение» души сохраняет все ее силы и возводит их к высшему, то есть сублимирует. Вся христианская мистика и аскетика так или иначе принимает этот классический образ сублимации.

В принципе сублимации западная аскетика и мистика не расходятся с восточной. Вся христианская аскеза есть грандиозный замысел сублимации, знающий свои удачи и неудачи...

Сублимация ярко противопоставляет Христианскую аскетику и мистику – всей нехристианской: индийской, неоплатонической, гностической, стоической. Там нет сублимации, там есть отрешение: не спасение мира, а спасение от мира. Индийская и гностическая ненависть к плоти, к браку, к рождению – еретична для христианина. Для отрешенной аскетики, напротив, преображение души и тела и Воскресение – есть бессмыслица. Низшее (тело, страсти, эмоции, подсознание, природа, космос) – не «спасается», не формируется и не сублимируется здесь, а отсекается, отрешается и исчезает, как майя.

Христианская этика, как этика благодати, не есть этика отрешения, а есть этика сублимации. Ее задача есть всеобщее спасение...

5. Сублимация и воображение

«Сублимация» есть восстановление первоначально-божественной и к Богу устремленной формы. И весь хаос подсознательного мира нуждается в такой форме. Какова же она, если ею не может быть форма закона? Здесь нужно сразу высказать нечто существенное, самое существенное, быть может, в этике благодати, то, что предвосхищает ее конец и завершение.

Восстановление первоначально-божественной и к Богу устремленной формы в человеке есть восстановление «Образа и Подобия» Божия; а та сила, которая схватывает этот образ, есть воображение. Но мы не могли бы вообразить никакого «образа Божия», если бы не было факта Бого-воплощения, если бы не стоял пред нами образ Христа. Воображение требует воплощенного образа; больше того, воображение и есть воплощение. Оно всегда воплощает свои образы, облакает их плотью и кровью.

Мы встречаемся здесь с совершенно новой силой, с воображением. Нужно понять его психологическую сущность, его метафизическое, этическое и мистическое значение. Рационально-императивная норма закона обращается всегда к сознанию, к сознательной воле, и не умеет обращаться с подсознанием, которое ей не повинуетя и противоборствует. Воображение, напротив, обладает особым даром проникновения в подсознание, особым органическим сродством с Эросом. И это потому, что подсознание есть тот подземный ключ, из которого бьет струя фантазии, и вместе с тем тот темный бассейн, куда обратно падают сверкающие образы, чтобы жить там и двигаться в недоступной глубине. Подсознание питается образами воображения и питает их. Подсознание как бы дремлет и видит сны, которые не сознает...

Чтобы взвесить сравнительную силу сознательной воли и воображения, нужно вдуматься в суровое слово Куэ: при всех случаях столкновения воли и воображения побеждает всегда воображение без всяких исключений! Но закон всегда обращается к сознательной воле и потому всегда может быть побежден, когда дело идет о покорении подсознания, о пленении Эроса.

Подсознание повинуетя только воображению, но норму нельзя вообразить, она не имеет образа, ее можно только мыслить. Не существует Эроса закона, и Кант это знал: нельзя любить закон, закон можно только «уважать»; любить же можно только конкретный образ, и если идею, идеал, то только воплощенный в живом лице.

Даже Эрос Платона, философский Эрос по преимуществу, устремленный к миру идей, даже он предвещает и предсказывает путь воплощения: ему мало любви к идее, «любви к мудрости», ему нужна любовь к конкретному образу, к живому воплощению мудрости. Сократу отдал Платон живую полноту своего Эроса, судьба Сократа стала «жизненной драмой Платона» (Вл. Соловьев), с ним он живет, умирает и воскресает.

Единственный и парадоксальный для античного мира факт: величайший философ и художник всех времен скрыл свое авторство, отказался от высшей чести и славы, все свое лучшее перенес в образ «учителя», вообразил и воплотил в нем; и вместе с тем – его в себе. Говорит только Сократ, Платон не участвует в «диалогах», Платона нет. А если он и го-

ворит однажды о своем авторстве, то только следующие изумительные слова: «Да и нет, и не было никакого Платона, а есть только Сократ, снова ставший молодым и прекрасным!»

Здесь нет никакой ложной скромности или смирения (которое, кстати сказать, было неизвестно античному миру), здесь полное воплощение Сократа в душе Платона, и преображение этой души при помощи этого образа. Совершенно так же, как у ап. Павла: «Не я живу, а живет во мне Христос!»

Только образ живой воплощенной ценности и святости покоряет и «пленяет» все силы души. Высшая сублимация есть сублимация Эроса при помощи воображения. Вот почему образ Сократа в Академии и в сократических школах играл такую же «сублимирующую» роль, как образ Христа у христиан...

Вечное в русской философии.

11. Истинный смысл сублимации

Сублимация есть возведение низшего к высшему; чтобы понять это возведение, нужно иметь систему категорий бытия, нужно иметь иерархию ценностей. Сублимация предполагает некоторый категориальный, иерархический закон, который был замечен Аристотелем и формулирован как соотношение формы и материи: низшая категория бытия служит материей для высшей, которая является ее формой. Форма есть нечто высшее и новое (например, статуя), и, однако, она предполагает низшее как условие возможности, как материал (например, мрамор), который не уничтожается, а сохраняется и преобразуется в высшую «форму» красоты. Высшая форма есть нечто абсолютно новое, новая высшая категория, в которой низшая – в каком-то смысле «уничтожена», в каком-то «сохранена», а главное, «поднята» на высшую ступень. Иначе говоря, сублимирована, преображена, преосуществлена. Как раз сохранение низшего в высшем здесь и является источником заблуждения, поводом не заметить высшее совсем. Процессы механизма и химизма, например, сохраняются в организме во всей своей неприкосновенности; цепи причинности сохраняются в целесообразном и свободном творчестве. Отсюда возникает соблазн признать, что организм есть только усложненный механизм, что свобода есть только комбинация причин.

Сказать, что статуя есть только сублимированный мрамор; любовь и религия – только сублимированная сексуальность; наука, искусство, культура – только сублимированное хозяйство (марксизм) – значит повторить классическую ошибку. Она сосредоточена в этом слове «только». Именно не только! Настоящая сублимация есть творчество, то есть создание совершенно новой, ранее не бывшей ступени бытия. Этот творческий момент сублимации замечательно выражен у Платона в его понятии Эроса. Его Эрос возводит сублимацию к новым ступеням бытия, откры-

вает новые категории жизни: 1) Эрос, как либидо, как плотское стремление, есть продолжение рода, рождение поколений; 2) Эрос, как поэзия (творчество), есть рождение «детей Гомера и Гезиода» и «царственное искусство», политика, созидающая государство. Вторая ступень Эроса предполагает первую, ибо поэзия, культура и государство предполагают продолжение рода и смену поколений; но вторая ступень есть новая ступень, – новая категория жизни. Эрос не останавливается и здесь, он трансцендирует выше и открывает еще новую ступень; 3) философию, созерцание идей, и эта ступень также предполагает две первых, ибо, чтобы философствовать, надо жить, и культурно жить, иметь хозяйство и государство (как это показывает Платон в своем «Государстве» Политии). Но философия есть абсолютно новое бытие, новая категория по сравнению с экономикой и политикой. Последнее ее восхождение есть экстаз, или транс в Абсолютное. Здесь он встречает нечто совсем новое, ни с чем низшим не соизмеримое.

Что же такое Эрос, если он все же остается самим собою на всех ступенях своего восхождения, своей сублимации? Конечно, он не может быть отождествляем с чувственным влечением, ибо это его функция только на первой ступени.

Настоящая сущность Эроса раскрывается в том, что он есть стремление, в том, что он выражает устремленность и стремительность нашего существа, нашего глубочайшего центра, нашего «сердца», которое «бьет» на пороге как бы двойного бытия». Отсюда двойственность и диалектичность Эроса. Стремление диалектично: оно переходит от тезиса к антитезису, оно всегда встречает границу и всегда выходит за пределы, всегда трансцендирует. Платон символически изобразил бродячий, капризный, ищущий, тоскующий характер Эроса: он остается тем же и в любви, и в смене поколений, и в поэзии, и в политике, и в философии. Всякий «имманентизм» для Эроса невыносим и есть пребывание в пещере. Но Эрос есть транс и постоянно «пребывает в трансе». И он успокаивается лишь тогда, когда трансцендирует всю иерархию ступеней бытия и ценностей? когда встречает наконец полный простор, бесконечный простор Абсолютного.

Как возможно при таком всеобъемлющем диапазоне Эроса все же сохранить за ним первоначальное значение сексуальности, как это делает Платон?

Трансцендирующая природа стремления дает ясный исчерпывающий ответ. «Либидо» есть стремление и, следовательно, транс, первый и естественнейший выход из себя, выход за пределы всякого «аутоэротизма», начало всякого самоутверждения, всякого искания полноты и бесконечности. Но это лишь первая ступень стремления. Она оставляется позади. Сущность Эроса раскрывается в том удивительном факте, что всякая истинная «влюбленность» выходит за пределы сексуальности и вос-

принимает напоминание о ней как профанацию любви. Но далее, истинная любовь выходит за пределы прямого объекта любви, она обнимает луну, солнце, звезды, весь космос...

Если правда, что истинная любовь делает поэтом, то это значит, что она делает творцом и, следовательно, поднимает на новые ступени бытия, где воплощаются новые идеи, смыслы, ценности.

Иерархически низшее стремление может входить, как составной момент, в некоторый высший комплекс, причем в этом высшем комплексе оно своеобразно преобразуется и облагораживается, не переставая все же быть самим собою. Вот смысл истинной сублимации, как он намечен у Платона в диалоге «Пир». И сам «Пир» представляет наилучший символ такой сублимации: в нем дано симфоническое единство многообразных эмоций и стремлений – дружеских, эстетических, эротических, диалектических, философских, мистических; и вот, невозможно отрицать, что в этом целостном единстве присутствуют низшие влечения – гастрономические. Иначе «Пир» не был бы пиром.

Хлеб и вино могут лежать в основе самого высшего общения людей. Самая духовная любовь имеет своим первым требованием накормить голодного.

В той изумительной симфонии, которая называется «Пиром» Платона, присутствуют голоса низших витальных влечений, но они преобразованы до неузнаваемости, вознесены до недоступной высоты. Это еще вино и вместе с тем будто уже не вино – то, что опьяняет Сократа.

«Пир» Платона имеет «экономический фундамент». Но настоящей профанацией будет сказать, что он есть только сублимированный аппетит и сублимированное пьянство!..

ЗНАЧЕНИЕ СЕРДЦА В ФИЛОСОФИИ И В РЕЛИГИИ

1. Сердце как скрытая глубина человека

Понятие «сердце» занимает центральное место в мистике, в религии и в поэзии всех народов. Одиссей размышлял и принимал решения «в миллом сердце». В «Илиаде» глупый человек называется человеком с «неумным сердцем». По латыни «cordatus homo» означает не «сердечного человека», а разумного человека. Индусские мистики помещали дух человека, его истинное «я» в сердце, а не в голове. И в Библии сердце встречается на каждом шагу. По-видимому, оно означает орган всех чувств вообще и религиозного чувства в особенности. Трудность, однако, состоит в том, что сердцу приписывается не только чувство, но и самые разнообразные виды деятельности сознания. Так, прежде всего, сердце мыслит. «Говорить в сердце» – значит на библейском языке – думать. Но далее, сердце есть орган воли; оно принимает решения. Из него исходит

любовь: сердцем или от сердца люди любят Бога и ближних. Говорится, что мы «имеем кого-либо в своем сердце» (Флп. 1: 7; 2 Кор. 7: 3) или «у нас с кем-нибудь единое сердце» (Деян. 4:32). Наконец, в сердце помещается такая интимная скрытая функция сознания, как совесть: совесть, по слову Апостола, есть закон, начертанный в сердцах. Сердцу приписываются также самые разнообразные чувства, проносящиеся в душе: оно «смущается», «устрашается», «печалится», «радуется», «веселится», «сокрушается», «мучается», «скорбит», «питается наслаждением», «расслабляется», «содрогается». Как будто бы сердце есть сознание вообще, все то, что изучается психологией; и действительно, в Библии понятие сердца и понятие души иногда заменяют друг друга; точно так же понятие сердца и понятие духа.

Но затруднения наши увеличиваются, когда мы убеждаемся, что сердце обнимает собою не только явления психической, но и физической жизни. Все явления жизни исходят из него и возвращаются к нему, действуют на сердце: каждое физическое подкрепление пищей и питьем – подкрепляет сердце; каждое отягощение – отягощает сердце (Лк. 21:34); каждое нападение на жизнь – есть нападение на сердце (Исх. 9:16). Вот почему говорится: «Больше всего оберегаемого оберегай свое сердце, ибо от него исходит жизнь» (Притч. 4:23). В этом бесконечном разнообразии значений символ «сердце» грозит совершенно расплыться, сделаться совершенно неуловимым, превратиться в простую поэтическую метафору. И однако это не так: сердце на религиозном языке есть нечто очень точное, можно сказать, математически точное, как центр круга, из которого могут исходить бесконечно многие радиусы, или световой центр, из которого могут исходить бесконечно разнообразные лучи.

Библия приписывает сердцу все функции сознания: мышление, решение воли, ощущение, проявление любви, проявление совести, больше того, сердце является центром жизни вообще – физической, духовной и душевной. Оно есть центр прежде всего, центр во всех смыслах. Так говорится о «сердце» земли, о «сердцевине дерева» (Мф. 12:40). Естественный вопрос: не есть ли это выражение «сердце» в таком случае как раз то самое, что в психологии хорошо известно как принцип единства сознания, как центр сознания.

Это не вполне так, здесь есть нечто более глубокое, религиозное, остающееся недоступным для научной эмпирической психологии. Есть глубокие основания, почему здесь принимается религиозный символ «сердца», а не понятие души, сознания, ума, даже духа. В самом деле, сердце означает некоторый скрытый центр, скрытую глубину, недоступную для взора. В этом смысле Библия говорит о «сердце моря», о «сердце земли», как о том, что кроется в их таинственной глубине; в еще большей степени

это можно сказать о сердце самого Бога, Леон Блуа называет сердце Божества «бездной», а многие мистики говорят об этой «бездне» как о последней иррациональной глубине Божественного центра. Но то же самое можно сказать и о сердце человека, как о сокровенном центре личности. Он прежде всего недоступен чужому взору, мы не проникаем извне в сердца людей. Сердца ближних для нас не прозрачны.

Но не нужно думать, что предельная глубина человека закрыта только для других, она непостижима в значительной степени и для него самого; мы не умеем, а иногда не хотим понять самих себя, боясь заглянуть в бездну своего сердца. Глубочайшая мудрость заключается в этом изречении оракула, которое любил приводить Сократ: «Познай самого себя» – мудрость эллинская и древнеиндийская. Но люди не знают самих себя, и не только в смысле своего характера, своих страстей, своих недостатков, нет, в гораздо более глубоком смысле: они не знают своей истинной самости, своего истинного «я» – того, что индусы называют «Атман», что христианство называет – бессмертной душой, сердцем, сердцем души. Сократ и индийские мудрецы знали, что человек отделен от этой своей самости ежедневной суетой жизни, заботами о своем теле, заботами об удовольствиях, о вещах, о приобретении; Христос говорит: какая польза человеку, если он весь мир приобретет, душу же свою потеряет? Он говорит здесь именно об этом предельном таинственном центре личности, где лежит вся ее ценность и вся ее вечность. Найти эту свою вечность – значит найти свое истинное «я», заглянуть в глубину своего сердца. И это удастся немногим, и прежде всего переживается как чувство глубочайшего изумления, как бы нового духовного рождения или исцеления от прирожденной слепоты. Человек, который действительно захочет заглянуть в свою собственную глубину, непременно должен стать религиозным человеком, он должен испытать религиозное чувство – чувство благоговения, мистического трепета по отношению к самому себе, по отношению к бездонности своего сердца, он должен увидеть в самом себе «целый мир, полный бесконечности» (Лейбниц).

Ибо ведь религия есть одновременно признание Божественности Бога и Божественности самого человека. Религия есть нахождение Бога в себе и себя в Боге, и атеизм есть не только неверие в Бога, но непременно также неверие в человека, неверие в самого себя, неверие в свою абсолютную ценность и в свою абсолютную вечность. Атеизм считает, что «я» – это мое тело, мои страсти, мои желания, мои движения и действия в этом мире, и все то, конечно, преходяще и разруσιμο и проносится, как дым. В этом нет никакой моей истинной самости. Атеизм есть мирозерцание, постояннодвигающееся на периферии, на поверхности, постоянно верящее во внешность, видимость, атеизм есть отрицание таинст-

венного центра личности и, в силу этого, отрицание таинственного центра вселенной. Для него нет никакого «сердца земли», «сердца моря», «сердца небес», для него нет и сердца человека, ибо он никогда не спускается в глубину, постоянно скользя по поверхности, и, конечно, нет ничего легче, как скользить по поверхности. Поверхностное есть самое легкое, самое общедоступное. Атеизм есть банальнейшее мирозерцание, мирозерцание бездарности. Аристотель говорит, что начало философии есть удивление; мы можем сказать, что начало религии есть чувство тайны, трепет таинственного, благоговение перед таинственным. В этом смысле атеизм и позитивизм есть столько же безрелигиозное, как и не философское мировоззрение; он ничему не удивляется и ни перед чем не благоговевает.

2. Сердце как орган религиозного опыта

Необходимо признать сердце основным органом религиозных переживаний. В простоте и доступности этого слова «сердце», этого символа, постоянно присутствующего в простой разговорной речи, – его высокая религиозная ценность. Человек «без сердца» есть человек без любви и без религии, безрелигиозность есть, в конце концов, бессердечность. Не правда, будто существует какая-то безрелигиозная сердечность в форме гуманности, солидарности, классового сознания и т.п. Самые большие преступления были совершены ради такой гуманности, были оправданы декламациями о любви к человечеству, риторикой в духе Руссо и Робеспьера. Прежде всего можно сказать, что у этих людей нет сердца, а следовательно, они потеряли мистическую связь с ближними и с Богом, они потеряли, конечно, и свое настоящее «я», забыли о нем, не подозревают о его существовании.

Но только в глубине этого «я», в глубине сердца, возможно действительное реальное соприкосновение с Божеством (Бог, чувствуемый сердцем. Паскаль), возможен подлинный религиозный опыт, без которого нет религии и нет истинной этики. Евангелие непрерывно утверждает, что сердце есть орган для восприятия Божественного Слова и Дара Духа Святого, в него изливается Божественная любовь. И это соприкосновение с Божеством возможно потому, что в сердце человека есть такая же таинственная глубина, как и в сердце Божества. Здесь раскрывается весь смысл выражения «образ и подобие Божие», здесь человек чувствует свою Божественность, здесь одна глубина отражает другую; и пока человек не встретится с этой глубиной в своем собственном существе, он не понимает, что значит глубина Божества. Нужно быть самому глубоким, чтобы почувствовать таинственную глубину.

Вот почему религия берет символ сердца. В нем выражается сокровенный центр личности. Сердце есть нечто более непонятное, непрони-

цаемое, таинственное, скрытое, чем душа, чем сознание, чем дух. Оно непроницаемо для чужого взора и, что еще более удивительно, для собственного взора. Оно так же таинственно, как сам Бог, доступно до конца только самому Богу.

Совершенно исключительное значение придается сердцу человека: только Богу вполне ведомы его тайны. Мы должны чувствовать теперь трепет благоговения перед этой таинственной глубиной в сердце своем и в сердце своих ближних. Здесь лежит истинная красота, истинная и вечная ценность человека. У ап. Петра, этого почти прозаического апостола, есть удивительные слова, полные вдохновенной поэзии, посвященные этому «потаенному сердца человеку». И здесь говорится прежде всего о человеческой красоте, о красоте женщин, бессознательном стремлении украшать себя; вот эти слова...

... Здесь собрано все ценное, что можно сказать о сердце: оно есть тайный центр человека; оно «безмолвствует», апофатически утверждает свою глубину; в нем скрыта нетленная красота духа, подлинная красота; и этот нетленный духовный центр есть абсолютная ценность, он «драгоценен пред Богом». Прозаический Апостол нашел самые поэтические слова для этой таинственной глубины!..

3. Сердце в индийской мистике

Интересно сравнить в этом пункте христианскую мистику с индийской. Прежде всего мы будем поражены совпадением путей и даже мистических символов. И оно неизбежно, если единый истинный Бог есть предел всех мистических устремлений, оно есть совпадение в истине. Но не следует скрывать от себя далее важнейших расхождений религиозных путей. Если христианство есть полнота истины, то было бы невероятно, если бы другие народы в своих религиях никогда и никак не приближались к этой истине; трудно не заметить такие приближения в мистериях Египта и Греции, в платонизме и неоплатонизме, наконец, в индийской мистике.

Но, с другой стороны, если христианство есть действительная полнота (плерома) живой конкретной личности Богочеловека, то оно единственно и неповторимо и индивидуально. Его нельзя заменить никакими экдектическими обобщениями в духе теософии, которая в своем безвкусном смешении стилей теряет всякое чувство индивидуальности, национальности, личности.

«Потаенный сердца человек» составляет центр внимания для индийской религиозности. Индусы – величайшие мастера в исследовании предельного, скрытого центра нашего «я», нашей самости. К нему устремлена вся индийская мудрость.

«Что такое самость? Это состоящее из познания, среди дыханий жизни, внутри сердца, светящееся «я» («пуруша» – «человек». Брхадаран. Упаниш. IV, 3).

«Этот мой Атман (основной термин для сокровенной самости) внутри сердца, мельче рисового зерна, мельче горчичного зерна, мельче ядра в этом зерне. Этот мой Атман внутри сердца больше земли, больше воздушных пространств, больше неба, больше всех миров» (Шандогия Упаниш. III. 14). «Человек («пуруша» – другой термин для сокровенной самости) величиною Руссо и Робеспьера. Прежде всего можно сказать, что у этих людей нет сердца, а следовательно, они потеряли мистическую связь с ближними и с Богом, они потеряли, конечно, и свое настоящее «я», забыли о нем, не подозревают о его существовании.

Но только в глубине этого «я», в глубине сердца, возможно действительное реальное соприкосновение с Божеством (Бог чувствуемый сердцем. Паскаль), возможен подлинный религиозный опыт, без которого нет религии и нет истинной этики. Евангелие непрерывно утверждает, что сердце есть орган для восприятия Божественного Слова и Дара Духа Святого, в него изливается Божественная любовь. И это соприкосновение с Божеством возможно потому, что в сердце человека есть такая же таинственная глубина, как и в сердце Божества. Здесь раскрывается весь смысл выражения «образ и подобие Божие», здесь человек чувствует свою Божественность, здесь одна глубина отражает другую; и пока человек не встретится с этой глубиной в своем собственном существе, он не понимает, что значит глубина Божества. Нужно быть самому глубоким, чтобы почувствовать таинственную глубину.

Вот почему религия берет символ сердца – В нем выражается сокровенный центр личности. Сердце есть нечто более непонятное, непроницаемое, таинственное, скрытое, чем душа, чем сознание, чем дух. Оно непроницаемо для чужого взора и, что еще более удивительно, для собственного взора. Оно так же таинственно, как сам Бог, доступно до конца только самому Богу...

Совершенно исключительное значение придается сердцу человека: только Богу вполне ведомы его тайны. Мы должны чувствовать теперь трепет благоговения перед этой таинственной глубиной в сердце своем и в сердце своих ближних. Здесь лежит истинная красота, истинная и вечная ценность человека. У ап. Петра, этого почти прозаического апостола, есть удивительные слова, полные вдохновенной поэзии, посвященные этому «потаенному сердца человеку». И здесь говорится прежде всего о человеческой красоте, о красоте женщин и их бессознательном стремлении украшать себя...

... Здесь собрано все ценное, что можно сказать о сердце; оно есть тайный центр человека; оно «безмолвствует», апофатически утверждает

свою глубину; в нем скрыта нетленная красота духа, подлинная красота; и этот нетленный духовный центр есть абсолютная ценность, он «драгоценен пред Богом».

4. Христианская любовь и буддийское сострадание

В христианстве мистическое соприкосновение с Богом и с ближним осуществляется посредством сердца. Сердце есть орган, устанавливающий эту особую интимную связь с Богом и с ближним, которая называется христианскою любовью. Она отличается от всякой другой нехристианской любви своей мистическою глубиною, обличается тем, что она есть связь глубины с глубиной, мост, переброшенный от одной бездны сердца к другой. А всякая любовь до Христа и вне Христа была лишь товариществом, наслаждением страсти или, в лучшем случае, жалостью, состраданием. Все это поверхностные касания одного человека к другому: телесные касания или душевные, но не касающиеся скрытого, духовного, сердечного центра. Такова любовь атеистов.

Совсем иная буддийская любовь-сострадание. Она, конечно, противоположна всякой корыстной страсти, всякому приятельству и товариществу. Однако все же эта буддийская любовь глубочайшим образом отличается от христианской, с которою ее так часто сблизжают в безвкусных теософских популяризациях. Знарок буддизма Бартеlemi Сент-Илер называет это чувство «состраданием без любви». Любовь покоится на вере в абсолютную ценность реального лица. Этой веры в буддизме нет, в христианстве любовь есть мистическая связь одной индивидуальной глубины с другою, мост между двумя безднами; в буддизме это есть утверждение тождества двух страдающих самостей, одинаково страдающих и потому сострадающих. Их индивидуальная противоположность и противостояние отрицаются. Индуизм говорит: ты есть я, и потому я тебя люблю и жалею; христианство говорит: ты не есть я, и потому тебя люблю и жалею. Различие это огромно: в христианстве мой «ближний» есть индивидуальность, лицо мне противоположное, единственное и неповторимое; в буддизме множество различных индивидуальностей есть иллюзия, маяя, на самом деле они все – одно, тождественны в существе своем, в сердце – неразличимы; здесь нет и не может быть никакого индивидуального бессмертия и, следовательно, никакой любви к бессмертной, единственной и незаменимой индивидуальности. Здесь нет единства противоположностей, составляющего сущность любви, нет «совпадения противоположностей», здесь тождество лиц в безразличном, одинаковом страдании, имеющее своим пределом полное «угасание» всякого индивидуального различия в «нирване».

Эти особенности буддизма коренятся в других более глубоких и более древних религиозно-философских системах, в свою очередь, имеющих свое последнее обоснование в индийской библии – в Упанишадах.

Мистическое соприкосновение с Богом здесь иное, чем в христианстве, и в силу этого иное соприкосновение и с ближним. В индийской мистике нас увлекает гениальное устремление в глубину сердца и нахождение в нем бессмертной светящейся точки, нашей истинной «самости» (Атмана), напоминающей «искру»... Навеки незыблемым достижением остается здесь непосредственное созерцание неразрушимости и бессмертности «я», которое может быть усмотрено здесь и сейчас, не дожидаясь момента смерти.

Далее, утверждение, что соприкосновение с Божеством осуществляется только в этой предельной точке, только в этой «глубине сердца», – тоже роднит индийскую мистику с христианской.

(Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М.: Изд-во «Республика», 1994. С. 45–52, 200–203, 271–279).

Вопросы к тексту

1. Как трактует Эрос автор?
2. Почему, по мнению философа, творчество, религия, культура есть «сублимация»?
3. В чем заключается платоническое и христианское понимание сублимации? Как Вышеславцев Б.П. понимает этот термин?
4. Каково значение сердца в философии и религии?
5. Как соотносятся христианская любовь и буддийское сострадание?
6. Что такое христианская любовь?

Учебное издание

**Аксиологические проблемы философии.
Философия любви**

ХРЕСТОМАТИЯ

В двух частях

Под редакцией В.А. Жилиной

Часть 2

Составители: **Акулова** Ирина Сергеевна
Ахметзянова Марина Петровна
Миннигулова Наталья Сергеевна
Китаев Дмитрий Геннадьевич
Субач Геннадий Вадимович

Редактор Н.П. Боярова
Компьютерная верстка Л.М. Недалковой

Подписано в печать 19.06.2012. Рег. № 65-12. Формат 60x84/16. Бумага тип. № 1.
Плоская печать. Усл.печ.л. 5,25. Тираж 150 экз. Заказ 348.

Издательский центр ФГБОУ ВПО «МГТУ»
455000, Магнитогорск, пр. Ленина, 38
Полиграфический участок ФГБОУ ВПО «МГТУ»

